

— 221 —
1 Апрелья ❀ ГОДЪ ШЕСТОЙ ❀ 1911 года.

ХОЛМСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Выходить два раза въ мѣсяцъ, съ безплатнымъ прибавленіемъ: „Холмскій Народный Листокъ“. Цѣна годовому изданію съ пересылкой 5 р. Отдѣльные номера по 20 коп., съ пересыл. по 25 к.

Адресъ редакціи. г. Холмъ, Любл. г. Духовная Семинарія. Плата за объявленія: за 1 страницу— 4 р., 1/2 стр.— 2р. 25 к. за строку— 15 коп. Многократн. объявл. по соглашенію.

Подъ Твою милость
принѣгаемъ, Богородице дѣво.

№ 7.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ

№ 7.

I.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Архипастырское благословеніе.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Евлогіемъ, Епископомъ Холмскимъ и Люблинскимъ выражена благодарность: за усердную пастырскую дѣятельность настоятелямъ церквей Влодавскаго уѣзда: Збережской—священнику *Алексію Мацюракъ*, Голешовской—священнику *Захарію Суслопарову*, Орховской священнику *Всеволоду Чумаковскому*, Угрусской—священнику *Антонію Климко*, Косынской—священнику *Григорію Коблянскому*, Ганской—священнику *Арсенію Островскому*,

Ганненской—священнику *Матвеемъ Вьлинскому* и Собиборской—протоіерею *Симеону Желеховскому*.

2) за усердіе въ организаціи церковнаго пѣнія псаломщикамъ церквей *Грубешовскаго уѣзда*: Подгорецкой — діакону *Петру Лукаюку*, Гостинской — *Ивану Которовичу*, Вербковицкой — *Исидору Дядію*, Пересоловицкой — *Владиміру Гейшторъ*, Молятычской — *Михаилу Бокіевичу*, Матченской — *Антонію Громъ*, Берестской — *Андрею Клоницкому*, Грабовецкой — *Константину Вышиванюку*, Терятинской — *Ивану Данилюку*; *Томашовскаго уѣзда*: Снятычской — *Симеону Пилипчуку*, Тарноватской — *Симеону Теодоровичу*, Тыпинской — *Ивану Кузьмичу*, Гродыславицкой — *Павлу Пилипчуку*, Чесникской — *Александрю Бравичинскому*, Дубовской — *Даніилу Кузьмичу*, Переспской — *Андрею Сайкевичу*; учителю Мьвулинской церковной школы *Антонію Сорокъ*, учителю Зубовичской министерской школы *Михаилу Шутовскому*, учителю Крыловской школы *Жубровскому*.

3) Благочинный 1-го Холмскаго округа, священникъ *Василій Собуцкій* рапортомъ, отъ 22 января за № 53, донесъ Консistorіи, что настоятели церквей *Чулчицкой*, священникъ *Емилианъ Михайловскій* и *Луковокской*, священникъ *Петръ Теодоровичъ*, со времени назначенія къ означеннымъ церквамъ, первый съ октября 1907 года, а второй съ марта 1908 г., доставляютъ для своихъ церквей просфоры совершенно безвозмездно. Супруга же настоятеля Тарновской церкви, *Емилія Теодоровичъ* пріобрѣтаетъ только на церковныя средства муку для просфоръ, а за труды и другіе расходы ничего не требуетъ. На докладъ Консistorіи по поводу сего рапорта резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго *Евлогія*, Епископа Холмскаго и Люблинскаго, отъ 15 февраля за № 578, послѣдовала такая: „Добродѣтельнымъ и радѣющимъ о Св. Божіихъ храмахъ супругамъ настоятелей церквей *Чулчицкой*, *Луковокской* и *Тарновской* преподается Божіе благословеніе. Напечатать объ ихъ жертвахъ на свои приходскія церкви—и трудомъ, и расходами денежныхъ средствъ; быть можетъ, ихъ добрый примѣръ найдетъ себѣ подражательницъ среди другихъ матушекъ Холмской епархіи“.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ *Евлогіемъ*, Епископомъ Холмскимъ и Люблинскимъ къ празднику Св. Пасхи *нараждены*: а) *скуфьею*: настоятель *Лужковскаго* прихода, *Грубешовскаго уѣзда*, священникъ *Кириллъ Грабовецкій*, настоятель *Мячинскаго* прихода, *Грубешовскаго уѣзда*, *Іуліанъ Куркевичъ*, настоятель *Отрочскаго* прихода, *Яновскаго уѣзда*, священникъ *Николай Демчукъ*, настоятель *Клятвскаго* прихода, *Томашовскаго уѣзда*, священникъ *Михаилъ Бонецкій*, настоятель *Витковскаго* прихода, *Томашовскаго уѣзда*, священникъ *Николай Рожанскій*, настоятель *Ортель-Королевскаго* прихода, *Бѣльскаго уѣзда*, священникъ *Стефанъ Бѣлошевичъ*, настоятель *Гродисскаго* прихода, Со-

коловскаго уѣзда, священникъ *Іоаннъ Смирновъ*; б) *набедренникомъ*: священникъ Радочницкаго монастыря *Михаилъ Савчукъ*, настоятель Тереминскаго прихода, Грубешовскаго уѣзда, священникъ *Тома Сломинскій*, настоятель Моховскаго прихода, Бѣлгорайскаго уѣзда, священникъ *Несторъ Рудчикъ*, настоятель Сопотскаго прихода, Бѣлгорайскаго уѣзда, священникъ *Стефанъ Скробанскій*, настоятель Наброевскаго прихода, Томашовскаго уѣзда, священникъ *Николай Кожановичъ*, настоятель Жмудскаго прихода, Холмскаго уѣзда, священникъ *Іоаннъ Купичъ*, настоятель Вытычинскаго прихода, Влодавскаго уѣзда, священникъ *Владимиръ Урбанъ*, настоятель Устимовскаго прихода, Влодавскаго уѣзда, священникъ *Іоаннъ Рожанскій*.

О перемѣнахъ по службѣ.

Назначены: учитель Вепро-Озерской церковно-приходской школы *Петръ Юзвякъ*—и. д. псаломщика въ село Тучапы, Грубешовскаго уѣзда, съ 1 марта; окончившій курсъ Яблочинской причетнической школы *Теодоръ Линичъ*—и. д. псаломщика Пратулинской церкви, Константиновскаго уѣзда, съ 1 марта.

Перемѣщены: псаломщикъ Пратулинской церкви, Константиновскаго уѣзда, *Тома Новицкій*—къ Жмудской церкви, Холмскаго уѣзда, съ 1 марта.

Утверждены: 1) въ должности псаломщика: и. д. псаломщика Горостытской церкви, Влодавскаго уѣзда, *Николай Максимовичъ* 21 февраля; и. д. псаломщика Ярославцевой церкви, Грубешовскаго уѣзда, *Михаилъ Панкевичъ* 17 февраля; и. д. псаломщика Уханьской церкви Грубешовскаго уѣзда, *Антоній Демьянюкъ* 17 февраля; и. д. псаломщика Діаконовской церкви, Грубешовскаго уѣзда, *Теодоръ Морозъ*, 17 февраля; и. д. псаломщика Грубешовской Николаевской церкви *Іосифъ Бобровичъ* 17 февраля; и. д. псаломщика Ошовской церкви, Грубешовскаго уѣзда, *Симеонъ Костюкъ* 2 марта; и. д. псаломщика Павловицкой церкви, Грубешовскаго уѣзда, *Теодоръ Назаръ* 2 марта.

2) въ должности церковнаго старосты: къ Пенянской церкви, Томашовскаго уѣзда, крестьянинъ *Матвей Борисъ*; къ Стенжицкой церкви, Красноставскаго уѣзда, крестьянинъ *Іосифъ Соховскій*; къ Ганской церкви Влодавскаго уѣзда, крестьянинъ *Григорій Иванчукъ*; къ Чесникской церкви, Томашовскаго уѣзда, крестьянинъ *Іосафатъ Шербатый*.

Краткій годичный отчетъ по церковно-археологическому музею
и библиотекѣ при немъ за 1908—1909 г.г.

(Продолженіе).

Виды умерщвленія дѣтей совпадаютъ съ описаніемъ составителя нашихъ Четивхъ—Миней: ови мечемъ посѣкаеми, ови о камень и стѣну разбиваеми, ови о землю удараеми... растерзаеми, прободаеми, полма пресѣцаеми... матеремъ плачущимъ, власы и одежды терзающимъ на себѣ“. Справа отъ зрителя внизу надпись „Ерусалымъ“. Изъ палатъ, очевидно, Иродова дворца, выходятъ и вывѣзжаютъ воины съ саблями избивать въ Вилеемѣ младенцевъ. Во главѣ отряда ѣдетъ начальникъ воиновъ въ пурпуровой тогѣ, простые же воины въ короткихъ туникахъ. Надписи, жизненная обстановка бѣгства въ Египетъ, пещера Богомладенца съ колыской и лампадкой, покрытая родной соломой въ два ската—все это вѣсть мѣстной родной старинной 18 в., когда униатскіе храмы были крыты соломой и ансты воздвигали на нихъ свои величавыя гѣвзда. Эта родная убогая, но милая сердцу обстановка и нашла себѣ примѣненіе въ живописи иконы „утека до Египту“ Стенятинской церкви Томашовскаго уѣзда.

Отъ области иконографіи перейдемъ къ предметамъ церковной утвари, въ частности—остановимъ свое вниманіе на (№ 287) желѣзномъ билѣ, взятомъ изъ старой Чертовицкой церкви. Исторія происхожденія билѣ или клепалъ вкратцѣ такова. Въ скинии свидѣнія и въ храмѣ Иерусалимскомъ о началѣ богослуженія израиль оповѣщался трубнымъ звукомъ. Кажется, что вполне естественно было обратиться къ этому средству и для созыванія въ первые вѣка христіанъ, но по причинѣ гоненій христіане не могли воспользоваться этимъ. Въ первые времена христіанства изъ опасенія гоненій общество вѣрующихъ собиралось къ богослуженію насколько возможно тихо чрезъ особыхъ вѣстниковъ. Эти вѣстники такъ называемые лаосинакты—(laos и sinaho) народособиратели оповѣщали вѣрующихъ, обходя дома ихъ, о временахъ и мѣстѣ богослуженія. Разумѣется, что этотъ способъ былъ неудобенъ и затруднителенъ, поэтому въ послѣдующее время стали (раньше всего въ монастыряхъ) для созванія вѣрующихъ въ храмъ Божій употреблять три особыхъ била, или клепала. Первое изъ нихъ называлось „великимъ биломъ“ (simantron meha или просто to meha); оно состояло изъ деревянной около сажени длинной доски, до полутора аршинъ вышиной и въ нашу хорошую тесину толщиной. Слѣдовательно—это, собственно говоря, былъ досчатый щитъ въ родѣ тѣхъ досокъ, которыя вѣшались

въ недавнемъ прошломъ на св. Руси у общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, что-бы сторожа стучали ночью въ нихъ. Наряду съ великимъ биломъ вошло въ употребленіе, какъ болѣе удобное по легкости, малое било (*simantron micron* или просто *to micron*) тоже деревянное. Оно представляетъ собою рейку отъ полутора до двухъ сажени длины, въ ладонь ширины и пальца въ два толщины, съ перехватомъ для держанія рукой по срединѣ. Третье било было желѣзнымъ (*to sidirun*) или мѣднымъ (*to chalcon*) и представляло собою согнутую въ полукругѣ желѣзную или мѣдную полосу около 2 аршинъ длиной, $2\frac{1}{2}$ вершковъ шириной и толщиной въ хорошую каретную шину. Деревянная била, чтобы быть болѣе звучными, дѣлались преимущественно изъ явора (*sfendamös*), какъ дерева хорошо развивающаго звукъ. Въ большое било ударяли переक्лисіархи обычно длинной палкой лѣвой рукой, а молоткомъ—правой то тише, то сильнѣе,—въ общемъ получался довольно далеко слышимый звукъ. Въ торжественныхъ случаяхъ переक्лисіархъ по уставу церкви долженъ былъ ударять „во вся тяжкая“, т. е. съ особымъ напряженіемъ силы, въ большое и малое била и желѣзное—въ послѣднее ударялъ молотомъ, а чаще камнемъ. Отъ умѣлаго и ловкаго чередованія ударовъ палкой, молотомъ, въ деревянная била и камнемъ въ мѣдное или желѣзное получалось нѣчто въ родѣ мелодіи, чаще всего похожей на пѣніе „аллелуія“ — „хвалите Бога“. Большое и металлическое била вѣшались на довольно высокихъ столбахъ; столбы эти накрывались крышами, а подъ билами устраивалась площадка, чтобы переक्лисіархи могли удобнѣе пользоваться билами. На Руси съ принятіемъ христіанства стали пользоваться греческимъ способомъ собиранія на богослуженіе прихожанъ. Но такъ какъ въ нашихъ странахъ явора и другихъ деревьевъ, развивающихъ хорошо звукъ нѣтъ, то у насъ вошло во всеобщее употребленіе било желѣзное. Правда, на Руси векорѣ послѣ принятія христіанства стали появляться и колокола. Въ частности Ипатьская лѣтопись, говоря о благоуукрашеніи Данииломъ Галицкимъ Холма, о колоколахъ замѣчаетъ: „и колоколы принесе изъ Кіева, другія ту (т. е. въ Холмѣ) солие“ (1259 г.), однако татарское нашествіе, а главное, бѣдность заставляли дорожить и биломъ желѣзнымъ. И подлежащее било даже въ 18 вѣкѣ созывало Чертовичскую униатскую семью въ храмъ Божій для молитвы прославленія Всевышняго по силѣ вѣры и умѣнья.

Въ 1720 году созданный по предложенію униатскаго митрополита Льва Кишки Замостскій соборъ рѣзко порвалъ связь униа съ православнымъ востокомъ и повернулъ ее всецѣло лицомъ къ западу, закрѣпивъ этотъ поворотъ „торжественной присягой на вѣчное повиновеніе папѣ, яко истинному намѣстнику Христову и главѣ всей Церкви“, Св. Русь и весь православный востокъ въ 1-мъ титулѣ этого собора „de

fide“ названы „схизматической заграицей“ и подь страхомъ отлученія отъ церкви запрещены были всякія сношенія мѣстныхъ уніатовъ съ этой „заграицей“. Отсюда со времени Замостскаго собора быстро стало омрачаться латинскими наслоеніями религиозное міровоззрѣніе уніата. Унія стала быстро приближаться къ латинству. Въ частности—въ области иконографіи появились западныя статуи въ родѣ предстоящаго воскресенія Христа (№ 288), патріарха Іакова и его 12 сыновей (№ 289) и непорочнаго Зачатія Богоматери (№ 290).

Изъ области рукописей обращаетъ на себя вниманіе рукописный нотный ирмологій (№ 344), какъ трудъ многогрѣшнаго іерея Григорія, потрудившагося въ исправленіи этой церковной книги, отъ старыхъ рукописныхъ экземплярей благочиннаго рады пѣнія. Ирмолой этотъ многогрѣшный іерей Григорій свѣрялъ и писалъ „при обители Преображенія Св. Спаса въ Корчинѣ въ 1719 и 20 годахъ“; теперь Корчинъ приписанъ къ Пріорскому приходу, отъ монастыря Св. Спаса почти не осталось никакихъ слѣдовъ. Злостность стихій, паче же злостность людская все истребили. Отмѣчу маленькую частность, впервые попадающуюся въ рукописяхъ Холмщины. На заглавномъ листу іерей Григорій сдѣлалъ надпись внизу на такъ называемой тарабарской азбукѣ. Суть ея состоитъ въ слѣдующемъ: въ словахъ гласныя остаются безъ перемѣны, а согласныя начала алфавита замѣняются таковыми же изъ конца алфавита, напр., вмѣсто „г“—„ч“, вмѣсто „р“—„м“, такъ что слово іерей по этой азбукѣ выходитъ „іемей“, а слово Григорій—„чмичомій“ и надпись: „Ногакоть Ямросоя Шеситачо“ означаетъ: „Початокъ Ярмолая великаго“. Признаться, довольно трудновато было разобратъ въ этой тарабарщинѣ.

Но не въ этомъ суть археологическаго успѣха въ Холмщинѣ за отчетный годъ, успѣха такого, который ляжетъ въ основу долгихъ изысканій и изслѣдованій. А эти послѣднія въ концѣ концовъ приведутъ къ точному обслѣдованію древняго великокняжескаго Холма. Не далеко отъ Холма стоятъ двѣ башни: одна—въ 1½ верстахъ—Бѣлавинская, а другая—въ 9 верстахъ отъ города—Стольневская. Съ легкой руки уніатскаго епископа Якова Суши утвердилось мнѣніе, что башни эти—языческія капища. А простой народъ, видя ихъ величавую, хотя и въ развалинахъ, высоту и твердость постройки, просто рѣшилъ, что строили эти башни „черты“. Они въ одну ночь построили три башни: Бѣлавинскую, Стольневскую и въ Крупе. Въ Бѣлавинской башнѣ въ сѣверовосточномъ углу жила пріятельница чертей—вѣдьма, которая обладала очень миловидной наружностью и прекрасными волосами. Приблизительно за часъ до заката солнца вѣдьма выходила изъ своего таинственнаго жилища, садилась на кресло предъ зеркаломъ и расчесывала свои волосы. Увидать ее было возможно только въ томъ случаѣ, если

приблизиться къ башнѣ совершенно незамѣтно и возможно тихо. Если же вѣдма слышитъ хотя малѣйшій шорохъ, то моментально исчезаетъ какъ сама, такъ и вся туалетная обстановка. Ночью невидимой рукой проводился шнуръ между Столпьевской, Бѣлавинской и Крупской башнями и обитательница Бѣлавинской башни совершала путешествіе въ Столпье и Крупе по шнуру, возвращаясь при раннемъ разсвѣтѣ въ свое невѣдомое жилище. Таково вѣрованіе народа. Совершенно иначе о Бѣлавинской башнѣ говоритъ Ипатская лѣтопись. Разсказавши о томъ, какъ по державной волѣ Данила выросла съ 1223 по 1243 г. г. новая нарядная столица Владиміро-Галицкаго княжества — Холмъ, какъ „бѣ жизнь и наполниша дворы, окрестъ града и села“, какъ въ 1240 г. „татары не могоша взяти“ этой новосозданной столицы: „обдержалъ баше Богъ отъ безбожныхъ татаръ“, съ горестью замѣчаетъ подъ 1259 г. „прилучишеса сиче за грѣхи загорѣтиса Холмови отъ окаянныя бабы“. Пожаръ Холма даетъ поводъ лѣтописцу разсказать о созданіи этого города. Описывая погибшее въ огнѣ убранство столицы — Холма, лѣтопись заявляетъ: „стоитъ же столпъ поприще отъ города камень, а на немъ орелъ камень изваянь, высота же камени десяти лакотъ, съ головами же и подножками 12 лакотъ“. Это и есть такъ называемая теперь Бѣлавинская башня, защищавшая переправу и доступъ съ сѣвера чрезъ болота къ Холмскому замку и служившая символомъ державнаго влательства славнаго князя Данила. Въ настоящее время отъ этой башни уцѣлѣла одна только сѣверная стѣна съ остатками восточной и южной. Башня эта, не смотря на свое полуразрушенное состояніе, не разъ составляла предметъ эксплуатаціонныхъ возжеланій многихъ: говорятъ, ею пользовались, какъ строительнымъ матеріаломъ при проведеніи шоссе отъ Холма до Люблина, лѣтъ пятнадцать тому назадъ арендаторъ Холмскаго староства продалъ нѣсколько сотъ возовъ камня изъ стѣнъ той-же башни; въ недавнее время нѣкто Дроздовскій подалъ прошеніе Г-ну Варшавскому Генераль-Губернатору, чтобы ему, какъ человѣку бѣдному, отдали въ аренду съ „неуживательною землею столпъ возлѣ Бѣлавина неизвѣстно кѣмъ, когда и для чего построенный“. Напрасно нѣсколько разъ взывало братство о сохраненіи и поддержаніи этого историческаго памятника. Всѣ его просьбы и ходатайства оставались безрезультатными. Наконецъ, послѣ посѣщенія Холма членомъ Государственной Думы Г-мъ Чихачевымъ и личнаго осмотра имъ башни, Императорская Археологическая Коммисія командировала члена своего П. П. Покрышкина. Послѣдній измѣрилъ и обследовалъ эту башню и вотъ результаты обследованія. Башня основана среди топкаго торфянистаго болота на наносномъ твердо-убитомъ круномъ песку, который въ обилии находится съ восточной стороны Холма у борка. Стѣны сложены изъ песчаника и извест-

няка равнинной формации. Длина стѣнъ по внѣшней сторонѣ 5,54 сажени, толщины $1\frac{1}{2}$ с., а вверху сажень, высота стѣны свыше 25 арш. Внутри стѣнъ были положены деревянные кругляки—деревья въ 5 ярусовъ. Кругляки эти сгнили и образовались круглыя отверстія, весьма удобныя теперь для жилища совъ, сычей, галокъ и воробьевъ. Башня эта, судя по сохранившимся гнѣздамъ балокъ, представляла изъ себя 4 этажное зданіе, въ основѣ котораго лежалъ крестовый сводъ, на вершинѣ коего и стоялъ двуглавый въ 12 локотъ высоты орелъ—символь державнаго могущества Даниила. Въ углахъ башня была обложена зеленой оцокой (по лѣтописи—Холмскій зеленый камень). Въ удѣлѣвшей стѣнѣ сохранились три окна, изъ коихъ среднее имѣло стрѣльчатую форму и было вверху орнаментировано тесаными бѣлымъ галичскимъ камнемъ, а внизу—зеленой оцокой. Признаковъ кирпича въ стѣнахъ постройки нѣтъ, равно нѣтъ и въ нижнемъ этажѣ входныхъ дверей: входная дверь въ башню была во второмъ этажѣ съ южной стороны, и доступъ въ нее ясно былъ по приставной лѣстницѣ, что довольно обычно было въ древности. Въ трехъ этажахъ полы были деревянные, а внизу—каменный—кирпичный. Чтобы не было сырости въ нижнемъ полу, строители прибѣгли къ такому способу: прежде всего была въ 0,02 саж. сдѣлана прослойка изъ сухого торфяка, а потомъ изъ песку въ 0,04 саж. и уже на этотъ щебень клались кирпичи глазированные съ одной—внѣшней стороны, какъ полъ.

(Продолженіе будетъ).

III.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Правленіе Холмскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что испытанія на званіе учителя одноклассной церковно-приходской школы въ текущемъ году будутъ производиться при училищѣ съ 25 апрѣля, прошенія же (на имя Правленія) о допущеніи къ такимъ испытаніямъ, съ приложеніемъ необходимыхъ документовъ (свидѣтельствъ: а) о рожденіи и крещеніи, б) о званіи, в) о бытіи у исповѣди и св. причастія и г) объ образованіи), не позже 23 апрѣля. Учителя церковныхъ школъ изъ окончившихъ курсъ во второклассныхъ школахъ, въ случаѣ желанія ихъ подвергнуться сокращенному испытанію, должны, сверхъ указанныхъ документовъ, представить еще отъ своего начальства удостовѣреніе въ успѣшномъ прохожденіи должности учителя въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ.

Христось воскресе!

Говорятъ: нѣтъ двухъ капель воды, одна другой равныхъ. Дѣйствительно, нѣтъ на бѣдномъ языкѣ человѣческомъ двухъ другихъ такихъ словъ, которыя бы въ каплѣ формы заключали такое же море идейнаго содержанія, какое дано въ словахъ: „Христось воскресе“! „Христось воскресе“!—не просто праздничный привѣтъ, съ которымъ мы въ извѣстное время года обращаемся къ нашимъ ближнимъ; это не холодная формула, въ которую разъ на всегда отлились наши конфессіональныя взгляды и убѣжденія; это—не простой отзвукъ незабвеннаго, но, увы, и невозвратнаго христіанскаго прошлаго. „Христось воскресе“! въ нашихъ устахъ это цѣлое откровеніе, откровеніе вѣчно живое, съ годами, съ вѣками непрерывно растущее. На грани XX вѣка эры Христовой фактически невозможно измѣрить, учесть всю массу тѣхъ переливовъ, оттѣнковъ мысли и чувства, съ какими милліонами православныхъ произносятся эти слова. Подлинно здѣсь „мудрость“ (Апок. XIII, 18), здѣсь наше духовное сокровище, здѣсь наше идейное богатство. Чтобы не растерять, не растратить этихъ богатствъ, нужно умѣть цѣнить ихъ по ихъ дѣйствительной стоимости, нужно отчетливо, ясно знать, чѣмъ, именно, владѣемъ мы въ православіи, и почему мистически-дивное: „Христось воскресе“! должно быть намъ православнымъ исключительно цѣнно и дорого.

Въ двухъ этихъ словахъ и въ томъ подъемѣ души, съ какимъ обычно они произносятся, сіяетъ, отражается вся суть нашего православія, все то, чѣмъ дышетъ, чѣмъ живетъ въ сферѣ вѣры Христовой народъ нашъ болѣе тысячи лѣтъ. По тѣмъ особенностямъ, съ какими праздникъ Пасхи Христовой опредѣлился въ нашей исторіи, по тѣмъ переживаніямъ, какія волнуютъ насъ ежегодно при первыхъ звукахъ: „Христось воскресе“! мы съ утѣшеніемъ убѣж-

даемся, что міровому, великому—вѣрѣ Христовой не тѣсно въ нашей бѣдной смиренной русской душѣ. Духовныя дѣти искони свѣтлаго Востока, мы полюбили въ дѣлѣ Христовомъ свѣтъ, радость и миръ, полюбили эсхатологию, мистику, чудо, полюбили тѣ глубины, кои всегда оставались непонятными, чуждыми темному Западу. Въ психикѣ Запада никогда не было тѣхъ настроеній, какія составляютъ для нашей Пасхи ея необходимую почву, и оттого нѣтъ и не можетъ быть на Западѣ *такой* Пасхи, какая бываетъ у насъ. Великое преимущество нашего православія, какъ исповѣданія, заключается въ томъ, что оно даетъ намъ возможность созерцать дѣло Христово въ его цѣлостномъ, полномъ объемѣ, съ равной отчетливостью проникать мысленнымъ взоромъ во всѣ важнѣйшіе пункты земного пути жизни Спасителя, отъ яслей Виѣлеемскихъ до горы Вознесенія. И всѣ эти пункты въ нашемъ сознаніи озарены однимъ немеркнущимъ свѣтомъ, исходящимъ отъ живоноснаго Гроба Христова. Воскресеніе Христово—средоточіе, жизненный центръ нашего православія, какъ исповѣданія. Воскресшій Христосъ для насъ невыразимо дорогъ, какъ Побѣдитель смерти и ада, какъ Виновникъ нашего не временнаго, земного, а эсхатологически-вѣчнаго блага. И Пасха Христова для насъ православныхъ воистину „праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ“, потому что въ эти свѣтлые дни мы живемъ тѣмъ, что составляетъ святое святыхъ нашей души, живемъ притрепетнымъ освѣщеніемъ близкаго соприкосновенія съ царствомъ премірной вѣчности. Отверзтыя во всю пасхальную седмицу царскія врата нашихъ храмовъ говорятъ намъ объ открытомъ, безпрепятственномъ доступѣ къ небу. Глядя съ середины храма въ эти врата, вы чувствуете, какъ въ душѣ подымается, растетъ христіански-свѣтлое, отрадное чувство увѣренности въ томъ, что конечный итогъ всѣхъ золь и скорбей міровыхъ—высшее, вѣчное благо. Вы чувствуете, что, не смотря на всю массу зла, въ которой лежитъ сейчасъ міръ, если не каждый человѣкъ, въ отдѣльности, то, по крайней мѣрѣ, все человечество въ его цѣломъ, непрерывно движется впередъ, идетъ къ Богу, и что лѣстница этого восхождения, конца не имѣющая, здѣсь на землѣ только начинается пер-

выми
изъ
Цер
жизн
мли
вотъ
черт
„исп
кого
возб
очер
пра
дока
пре
въ
сод
каза
де
нам
отн
рас
У
сла
тер
Ева
наш
объ
За
иде
въ
ным
пун
иде
ска
сло
14)
у
дѣл

выми своими ступенями. И вспоминаются намъ слова одного изъ глубокомысленнѣйшихъ древнихъ отцовъ Восточной Церкви св. Григорія Нисскаго: „истинно христіанская жизнь только концами ножныхъ перстовъ касается земли“...¹⁾

Таково въ краткихъ неизбѣжно блѣдныхъ и блѣдныхъ чертахъ наше православное „упованіе“, наше пасхальное „исповѣданіе“. Идейныя достоинства и преимущества такого „исповѣданія“ съ принципиальной точки зрѣнія не возбуждаютъ ни малѣйшихъ сомнѣній, но они въ свою очередь требуютъ фактическаго для себя оправданія; какъ православные, мы должны въ слухъ всего міра фактами доказать, что, по праву владѣя полученнымъ нами отъ предковъ духовнымъ богатствомъ, мы не зарываемъ его въ песокъ, а, пуская его въ міровой оборотъ, посылно содѣйствуемъ росту Царства Божія на землѣ. Такого доказательства „вѣры отъ дѣлъ“ спрашиваютъ съ насъ прежде всего тѣ представители инославнаго Запада, съ коими намъ суждено жить въ ближайшемъ сосѣдствѣ, и наши отношенія къ коимъ, въ силу взаимнаго религиозно-идейнаго расхожденія, не всегда отличаются желательною ровностію. У этихъ христіанъ свое „упованіе“, отъ нашего православнаго существенно отличающееся. И въ прямыхъ интересахъ нашего православія, какъ чистѣйшей формы Евангельской истины, въ интересахъ чистоты и цѣлости нашего пасхальнаго настроенія слѣдуетъ съ христіанской объективностію вникнуть въ суть психологіи инославнаго Запада. Въ этой психологіи вы не найдете ни особыхъ идейныхъ глубинъ, ни той тенденціи къ проникновенію въ духъ, суть дѣла Христова, какая является характернымъ признакомъ христіанства восточнаго. Центральнымъ пунктомъ въ западномъ пониманіи христіанства является, идея боговоплощенія. Многовѣковой интересъ христіанскаго Запада сосредоточился, весь безъ остатка на трехъ словахъ Евангелія отъ Іоанна „Слово плоть бысть“ (Іоан. 1, 14). И величайшій праздникъ на Западѣ не Пасха, какъ у насъ, а Рождество Христово. Ясно, что въ усвоеніи дѣла Христова Западъ не пошелъ далѣе первой страни-

¹⁾ „0 молитвъ“. Ч. I, стр. 421 Моск. изд. 1861 г.

цы Евангелія. Но тамъ, гдѣ энергія, мысль не идетъ въ глубь, тамъ она неизбежно направляется въ ширь: отсюда въ западномъ инославіи— всегда былъ силенъ фанатизмъ вѣроисповѣдной мысли,— всегда былъ интенсивенъ духъ пропаганды. Изъ этихъ двухъ послѣднихъ особенностей западнаго инославія (католичества) объясняется большая часть горькихъ, печальныхъ страницъ исторіи нашего здѣшняго, многострадальнаго края. И само собою понятно, что для насъ православныхъ русскихъ людей эти страницы имѣютъ интересъ не историко-археологическій, а жизненный, кровный: мы— дѣти должны продолжать дѣло отцовъ своихъ. Отцы выполнили свою историческую миссію: они сохранили, они донесли до дней болѣе свѣтлыхъ свои: вѣру, языкъ и народность.

Мы выполнимъ свою историческую миссію, когда на запросъ инославныхъ сосѣдей: „покажите вѣру отъ дѣлъ своихъ“ мы отвѣтимъ имъ въ духѣ нашего пасхальнаго исповѣданія. Къ врагамъ нашей вѣры и народности, также, какъ и къ врагамъ нашего политическаго, и общественнаго, и гражданскаго благополучія, мы отнесемъ, какъ къ заблуждающимся, какъ къ тѣмъ несчастнымъ безумцамъ, кои „не знаютъ, что дѣлаютъ“ (Лк. XXIII, 34). Эта любовь всепрощенія— вовсе не отказъ отъ своихъ правъ, отъ своего православія и отъ русской народности. Это лучшій способъ защиты сихъ правъ. Въ день святой Пасхи у насъ нѣтъ *личныхъ* враговъ: мы всемъ все простимъ, но съ яснымъ сознаниемъ готовности за тѣ идейныя глубины православія, изъ коихъ исходитъ это христіанское всепрощеніе, положить свою душу. „Ненавидящимъ насъ мы простимъ“, но не потому, что мы слабы, а, напротивъ, потому что чуемъ за собой силу великую, силу христіански-идейнаго превосходства, чувствуемъ, что не къ лицу питать враждебныя чувства къ кому бы то ни было, намъ, гражданамъ премірной вѣчности, намъ, коимъ пасхальное настроеніе говоритъ, что мы „только концами ножныхъ перстовъ касаемся земли“...

„Христось воскресе!“ читатели!

Иеромонахъ *Стефанъ Твердыньскій*.

II.

Какую вѣсть принесли жены мироносицы?

Говорите и міру проповѣдате, яко во-
ста Господь, умертвивый смерть, яко
есть Сынъ Бога, спасающаго родъ чело-
вѣчскій.

Св. Церковь Православная посвящаетъ цѣлую недѣ-
лю воспоминанію св. женъ мироносицъ. И это не. напра-
сно. Подумайте, какую вѣсть принесли жены мироносицы
для всего міра, когда возвратились отъ Гроба Господня.
Онѣ въ первый разъ воскликнули вслухъ всего міра: Хри-
тось воскресе! Можно-ли счесть, можно-ли даже вообра-
зить, сколько разъ съ тѣхъ поръ повторили люди эту крат-
кую дивную вѣсть? Вѣчно юная, вѣчно новая разносится
эта вѣсть по всему міру, и въ цѣлыя тысячи лѣтъ не мо-
гутъ люди испить всей радости изъ вѣсти о Воскресеніи
Христовомъ. И подлинно, есть чему радоваться! Много
радости въ той вѣсти, которую принесли св. жены миро-
носицы.

Страшно подумать, что было-бы съ міромъ, если-бы
онъ не получилъ радостной вѣсти отъ женъ мироносицъ.
Тамъ, въ пещерѣ Геосиманской, была скрыта вся радость
міра. Самъ Спаситель былъ осужденъ и распятъ. Жизнь
и жизни Податель умеръ и погребенъ, тяжелымъ камнемъ
скрытъ отъ міра, печатью Каіафы запечатанъ. И что бы-
ло-бы, если-бы не былъ отваленъ отъ гроба камень, если-
бы не воскресъ Христось? Могли-ли бы мы вѣрить въ Бога,
во спасеніе? Какъ вѣрить въ истину, если ея Проповѣд-
никъ, называвшій Себя Сыномъ Божиимъ, умеръ и не
воскресъ? Какъ можно повѣрить, что умершій и остав-
шійся во гробѣ освободилъ насъ отъ грѣха? Самый гробъ
не былъ-ли бы для Христа темницей, гдѣ содержался Онъ за
грѣхи наши, и если-бы Онъ остался во гробѣ, — развѣ
это не значило-бы, что удерживаетъ Его тамъ великій ка-
мень беззаконій нашихъ? Правда, Христось много гово-
рилъ новаго о Богѣ и человѣкѣ, но для чего нужно все

это, если не избавилъ Онъ насъ отъ грѣха? Если-бы Христось только умеръ, то не нужно было-бы и пришествіе Его. Безъ Воскресенія не было бы вѣры христіанской, не было-бы христіанъ; гробъ Христа былъ-бы гробомъ и христіанъ, и христіанства.

Но увидѣли мироносицы, что камень отваленъ отъ гроба, слышали отъ Ангела, яко воста Господь, пошли и возвѣстили міру: Христось воскрес! Воскресла вѣра. Если Христось воскресъ, то все, о чемъ Онъ говорилъ, все это—совершеннѣйшая истина. Христось не остался во гробѣ, спасеніе наше совершено, грѣхъ и діаволь побѣждены. Развѣ могутъ теперь смутить насъ насмѣшки враговъ Христовыхъ надъ спасительной вѣрой нашей, если вѣра наша утверждена Воскресеніемъ Христовымъ? Развѣ можемъ и мы сами колебаться въ вѣрѣ своей, если мы слышали отъ св. женъ вѣсть о Воскресеніи? Можемъ-ли мы отчаяться во спасеніи своемъ? Нѣтъ, какъ бы ни оскверняли насъ грѣхи, какъ-бы ни приковывали они насъ къ землѣ,—для насъ всегда открытъ входъ на небеса, куда нашимъ предтечей вошелъ Воскресшій Христось.

Черезъ крестъ вошелъ Христось на небеса. Крестъ, это—удѣлъ всего добраго на землѣ. Всѣ праведники пили на землѣ горькую чашу страданій. Тѣ, которыхъ не былъ достоинъ весь міръ, скитались въ пустыняхъ и въ горахъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ—лишени, скорбяще, озлобленіи,—вотъ участь добродѣтели въ жизни! Каменіемъ побіени быша, претрени быша, убійствомъ меча умроша,—вотъ конецъ жизни добродѣтельной! Да и Самъ Христось Спаситель... что только возможно прекраснаго, какая только возможна добродѣтель—все это было во Христѣ. И что же? Христось на крестѣ... Поругано все доброе, поруганъ законъ правды, поруганъ Самъ Законодатель. Если-бы и теперь не восторжествовало доброе, то это значило-бы, что нѣтъ правды нигдѣ, а тогда осталась-бы земля безъ добродѣтели. Вѣдь нужна-ли добродѣтель, если одинъ конецъ благому и злему?

Но слышали люди отъ женъ мироносицъ, что воскресъ Христось. Правда восторжествовала. Предъ лицомъ всѣхъ временъ и народовъ засвидѣтельствовано, что есть правда, что имѣетъ смыслъ добродѣтель. Христось не

имѣл
на н
Онъ
во сл
шені
что
шает
воск
пред
не п
вост
слав
всю
щій
труд
мож
воск
рук
всѣ,
Воск
ству
кая
кто
товс

ла.
вое
зла,
бы
лос
мя,
мля
бви

бя
жен
для

стр
Вос

имѣлъ, гдѣ главу подклонить, но дана теперь Ему власть на небѣ и на землѣ! Христось на крестѣ, но крестомъ Онъ возшелъ на небеса, гдѣ возсѣлъ одесную Бога Отца во славу Его. Позоръ креста—слава Христа! Много утѣшенія въ этой вѣсти о торжествѣ Христовомъ. Ты видишь, что торжествуетъ на землѣ неправда, и сердце твое смущается. Что можно сказать тебѣ въ утѣшеніе? Христось воскресе! Ты видишь, что и теперь добродѣтель часто предается заплеванию и заушается нечестивой рукою, но не падай духомъ; вѣрь, что добродѣтель прекрасна и она восторжествуетъ, ибо Христось воскресе! Воскресе и прославися! Ты, обиженный и презрѣнный людьми! Ты, всю жизнь бьющійся изъ-за насущнаго хлѣба, не видящій просвѣта радости въ то время, какъ многіе и безъ труда всѣ дни своей жизни проводятъ въ веселіи! Что можно было-бы сказать вамъ въ утѣшеніе, если-бы не воскресъ Христось? Но Христось воскресъ! Укрѣпитесь руки ослабленныя и колѣна разслабленныя! Утѣшьте всѣ, страдающіе, обиженные, несчастные! Надѣйтесь на Воскресшаго Христа Бога нашего, и вы такъ восторжествуете, что не будете помнить болѣзней вашихъ. Никакая бѣда не страшна, никакое горе не ужасно для того, кто услышалъ отъ мироносицъ вѣсть о Воскресеніи Христовомъ.

Христось побѣдилъ грѣхъ, побѣдилъ лукаваго діавола. Побѣдятъ его и всѣ вѣрующіе во Христа. Будетъ новое небо и новая земля, гдѣ не будетъ грѣха, не будетъ зла, гдѣ будетъ лишь правда, и миръ Святаго Духа. Какъ бы низко ни падали люди, какъ бы широко ни разливалось зло по міру, но мы вѣримъ, вѣримъ, что будетъ время, когда на привѣтствіе: Христось воскресе!—небо и земля, суша и море—все однимъ согласнымъ голосомъ любви отвѣтитъ: воистину Христось воскресе!

Видишь-ли христіанинъ, какъ все исполняется для тебя свѣтомъ отъ той вѣсти, которую принесли тебѣ св. жены мироносицы? Видишь-ли, сколько радости и мира для тебя въ этой краткой вѣсти: Христось воскресе!

Когда св. жены мироносицы вышли изъ гроба, то со страхомъ побѣжали возвѣстить ученикамъ Христовымъ о Воскресеніи. Когда же шли онѣ, Воскресшій Христось

встрѣтилъ ихъ и сказалъ: радуйтесь! (Мате. 28, 8—9). Съ тѣхъ поръ стала возможна въ мірѣ святая, чистая радость; безъ Христова: радуйтесь!—не было бы радости въ мірѣ!

Жена Ева растворила смертоносное питіе, и жены же мироносицы подали міру чашу радости и жизни. Эта чаша—вѣсть о воскресеніи Христовомъ. И когда слышишь ты благодатную вѣсть св. женъ мироносицъ о Воскресеніи Христовомъ, воскликни: Слава, Господи, святому Воскресенію Твоему!

III.

У рани земляка святого.

Въ древнѣйшемъ соборѣ Кремлевой Москвы

Гробница святая стоитъ.

Лампада надъ нею, у самой главы,

Немеркнушимъ свѣтомъ горитъ.

* * *

Въ лучистомъ сіяньи здѣсь мощи лежатъ

Того, кто построилъ сей храмъ.

Пришельцу съ предгорья далекихъ Карпатъ

Вся Русь здѣсь кадитъ ейміамъ.

* * *

Здѣсь онъ съ Калитою готовили рать.

Намѣтивъ тотъ благостный путь,

Какъ русскія земли въ-едино собратъ,

Татарское иго свергнуть.

* * *

И чудо свершилось святого Петра:

Сплотились князья при Донскомъ,

И спала чужого насилья кора,

И новый начался подъемъ.

* * *

Великой и Малой и Бѣлой Руси

Спаялися звенья давно,

И только Карпатской, Червоной Руси

Еще не спаялось звено.

* * *

Святителю, Петре! Уже-ль Ты забыль

Покинутый Галичь родной?

Уже-ль Ты не видишь развалинь могиль,

Не внемлешь мольбѣ ихъ глухой?

* * *

Вѣдь въ храмѣ твоємъ, гдѣ вѣнчаютъ царей,

Ты слышишь ихъ клятву—обѣтъ?

Зачѣмъ не внушишь Ты имъ силой своей

Исполнить забытый завѣтъ?

* * *

Зачѣмъ не свершишь для своихъ земляковъ

Ты чуда изъ лучшихъ чудесъ:

Не скинешь съ нихъ ига и рабскихъ оковъ,

Не дашь, чтобы Галичь воскресъ?

* * *

Съ надеждой, съ тоскою у раки Твоей,

Колѣни склонишь, я скорблю

И стоны несчастной отчизны моей

Услышать, услышать молю!

Д. Н. Вергунъ.

IV.

Изъ дневника паломника.

10 октября, воскресенье.

Вслѣдъ за о. намѣстникомъ Лавры и мы пошли въ церковь Бориса и Глѣба на Подолѣ. Чинно шла архіерейская служба. Молитвенно задушевный голосъ Владыки Чигиринскаго, преосвященнаго Павла, проникновенно оглашала Божій домъ. Тутъ мы, никому невѣдомые, были участниками духовнаго пира и къ моленіямъ усердныхъ прихожанъ храма присоединили свои благодаренія и мольбы о томъ, чтобы Богъ соблюдалъ для Славы Имени Своего равностныхъ дѣлателей въ оградѣ церкви православной... Трогательно было наблюдать за школьниками, которые занимали едва-ли не половину храма и своими чистыми дѣтскими голосами совершали хвалу. Уже приспѣлъ

и конецъ Божественной Литургіи: на середину храма вышелъ преосвященный Архипастырь, окруженный двумя архимандритами и 16-ю священниками для совершенія молебствія. То былъ моментъ чествованія одного изъ добрыхъ пастырей Кіевской митрополіи. Изъ среды почетныхъ прихожанъ-богомольцевъ выдѣлился нѣкій благообразный мужъ и повѣдалъ намъ, какъ 18 лѣтъ тому назадъ на порогъ этого храма вступилъ кроткій, обходительный, доступный всѣмъ, скромный труженникъ и Служитель Слова, о. Михаилъ Е. Было тогда на мѣстѣ семь запусѣніе: росъ виноградникъ, не имѣвшій заботливой и любящей руки. Но, вотъ, пришелъ онъ съ сердцемъ горѣвшимъ неизсякаемымъ источникомъ ревности о Богѣ, съ той пламенной вѣрой, которая, будучи какъ зерно горчичное, уже въ силахъ горы переставлять... и приходъ сталъ неузнаваемъ: темный, тѣсный храмъ — увеличенъ втрое, богатъ художественною живописью, горитъ золотомъ; при храмѣ школа—трехъэтажное зданіе, залъ въ два свѣта; устроены: дневной пріютъ на 150 дѣтей, приходское братство, общество трезвости, дамскій благотворительный комитетъ, библіотека. Въ знакъ выраженія любовной покорности своему доброму пастырю прихожане знатные и незнатные, богатые и убогіе, большіе и малые, счастливы поднести ему посохъ, а въ подкрѣпленіе дальнѣйшей благотворной дѣятельности—они просятъ принять драгоценный крестъ... Когда преосвященный надѣлъ на о. Михаила этотъ крестъ, вручилъ посохъ и произнесъ „аксіось“, то вся церковь соединилась въ единодушномъ выраженіи своего духовнаго восторга и пѣла, повторяя торжественное аксіось! Вотъ раздалось слово Архипастыря, который въ теплыхъ выраженіяхъ сорадовался доброму служителю Христову и въ знакъ своего благословенія осѣнилъ его иконой. Отвѣтная рѣчь о. Михаила была полна оттѣнками многоразличныхъ чувствъ, волновавшихъ въ эти минуты его душу. Сердце раскрылось и уста говорили отъ избытка; голосъ дрожалъ, прерывался, многіе плакали, свѣтились слезы на очахъ и Подляшскихъ поселянъ. Общій подъемъ воодушевленія захватилъ и насъ и въ этотъ моментъ торжества пастырскаго служенія казалось, будто наши внутреннія очи раскрылись глубже и

что-то новое, хорошее мгновенно нахлынуло на душу, полонило—красотою духовнаго подвига, переродило ее, слѣлало зрѣлѣе... И, когда по выходѣ изъ храма, шумный городъ насъ манилъ своимъ внѣшнимъ блескомъ и красотою, то смотрѣли мы на его чары уже иными глазами: „Звуковъ небесъ замѣнить не могли... Скучныя пѣсни земли“. (Лермонтовъ).

Вечеръ.

Нужно было приготовить паломниковъ къ исповѣди. Мы собрались въ Лаврѣ предъ вечернимъ богослуженіемъ и я напомнилъ своимъ „трудникамъ“ о той безднѣ милосердія, каковую всякій разъ въ таинствѣ покаянія небо изливаетъ на грѣшную землю... Такъ немного требуется отъ насъ—„одинъ лишь вздохъ-согрѣшилъ, не буду!... но этотъ вздохъ долженъ пройти небеса“ (Е. Теоф.). И подлинно, сердце сокрушенное и смиренное найдетъ доступъ къ Престолу Божію и Чаша Господня тогда будетъ не въ „судъ и не въ осужденіе“. Съ такимъ настроеніемъ мы выслушали вечерню, приступили для исповѣди къ старцу-иноку, оттрясли отъ своего сердца прахъ гнѣздившихся въ немъ грѣховъ и прегрѣшеній и, примиренные съ Богомъ, разошлись по своимъ келліямъ. На устахъ паломниковъ замерло желаніе о скорѣйшемъ наступленіи утра, чтобы можно было выйти душею въ сретеніе Небесному Жениху, раскрыть Ему клѣтъ своего сердца, дабы въ немъ Онъ „обитель сотворилъ и свечерялъ“...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. *Ө. Романовскій.*

V.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о приходѣ и расходѣ пожертвованій, поступившихъ изъ разныхъ епархій Россіи на расширеніе епархіальныхъ помѣщеній въ Сакахъ Евпаторійскаго уѣзда, Таврической епархіи, для больныхъ духовнаго вѣдомства, съ Января 1909 года по 1 Декабря 1910 года.

Послѣ разсылки пригласительнаго къ пожертвованіямъ письма бывшаго Таврическаго Преосвященнаго Епископа

Алексія, нынѣ Псковскаго и Порховскаго, въ Сакскую Комиссію съ Января 1909 года по 1 Декабря 1910 года поступило изъ нижепоименован. епархій¹⁾ всего пожертвованій шесть тысячъ триста двадцать восемь руб. девяносто одна коп. (6328 р. 91 к.).

Имѣя въ распоряженіи такія пожертвованія, Сакская Комиссія, съ разрѣшенія мѣстнаго Владыки, произвела слѣдующія работы, относящіяся къ расширенію и благоустройству Сакскихъ епархіальныхъ помѣщеній.

1) Расширила два прежнихъ корпуса пристройками къ нимъ комнатъ для прислуги, кладовыхъ и клозетовъ, что дало возможность всѣ внутреннія помѣщенія этихъ корпусовъ обратить въ номера для пріѣзжающихъ больныхъ, на что израсходовано 596 р. 92 к.

2) Устроила новый громаднѣйшій, свыше 34 сажений въ длину, корпусъ съ 24 номерами въ немъ, на что израсходовано 7200 руб.

3) Снабдила новый корпусъ и новые номера въ старыхъ корпусахъ необходимой обстановкой, бѣльемъ, посудой и проч., на что израсходовано 376 руб. 89 коп.

4) Пробуравила артезианскій колодезь, провела водопроводныя трубы во всѣ три корпуса и устроила въ центрѣ двора бассейнъ для воды съ фонтаномъ, на что израсходовано 600 руб., и, наконецъ,

5) Приобрѣла у Сакскаго сельскаго общества участокъ усадебной земли въ 1500 квадратнхъ сажений, вплот-

¹⁾ Астраханской епархій 65 р. 34 к., изъ Варшавской 7 р., изъ Владимірской 261 р. 90 к., Владикавказской 12 р. 70 к., Вологодской 195 р. 89 к., Волынской 367 р. 31 к., Воронежской 295 р. 01 к., Вятской 390 р. 67 к., Гродненской 96 р. 94 к., Грузино-Имеретинской 39 р. 67 к., Екатеринбургской 44 р. 12 к., Екатеринославской 266 р. 10 к., Казанской 10 р. 32 к., Калужской 115 р. 47 к., Кишиневской 74 р. 24 к., Костромской 164 р. 81 к., Курской 220 р. 86 к., Литовской 4 р. 40 к., Минской 82 р. 74 к., Московской 1 р., Нижегородской 237 р. 83 к., Новгородской 145 р. 26 к., Оловенской 52 р. 71 к., Омской 134 р. 15 к., Орловской 98 р. 77 к., Пермской 25 р. 85 к., Подольской 144 р. 70 к., Полтавской 3 р. 70 к., Рижской 38 р. 16 к., Рязанской 246 р. 27 к., Самарской 6 р. 50 к., С.-Петербургской 234 р. 85 к., Саратовской 147 р. 25 к., Ставропольской 351 р. 19 к., Таврической 640 р. 10 к., Тамбовской 370 р. 57 к., Тобольской 150 р. 02 к., Томской 3 р., Тульской 99 р. 83 к., Финляндской 48 р. 35 к., Харьковской 223 р., Хомянской 86 р. 47 к. и Ярославской 234 р. 24 к.

ную примыкающий къ епархіальнымъ помѣщеніямъ и необходимый для устройства на немъ хозяйственныхъ строений (сараявъ, ледника, погреба и пр.) и разбивки парка, безусловно необходимаго для больныхъ въ открытой степной Сакской мѣстности, на что израсходовано 8000 руб.

Такимъ образомъ, Комиссія произвела расходовъ по расширенію и благоустройству помѣщеній, на 20156 р. 81 к., т. е. болѣе, чѣмъ поступило пожертвованій на этотъ предметъ на 13827 р. 90 к.

Эта недостающая сумма, съ разрѣшенія Его Преосвященства, была позаимствована Комиссіей въ разныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ и является новымъ долгомъ, лежащимъ на Сакскихъ епархіальныхъ помѣщеніяхъ.

Всего же долгъ епархіальныхъ помѣщеній достигаетъ (съ прежнимъ долгомъ на устройство и оборудованіе, первоначальныхъ корпусовъ) крупной цифры въ 21.500 р.

Своими средствами (ежегодною доходностью) помѣщенія могутъ погасить этотъ долгъ не менѣе, какъ въ теченіе 10—12 лѣтъ.

Ясно, что безъ притока пожертвованій изъ другихъ епархій, хотябы то еще въ теченіе 2—3 лѣтъ, Сакскія помѣщенія, обслуживающія больныхъ духовнаго вѣдомства всѣхъ епархій Россіи, не скоро почувствуютъ подъ собою твердую почву, а при какихъ-нибудь неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, могутъ прійти и въ полный упадокъ, что, конечно, не можетъ быть въ интересахъ русскаго православнаго духовенства.

Предсѣдатель Сакской Комиссіи

Прот. *Александръ Сердобольскій.*

Членъ Комиссіи Прот. *В. Никольскій.*

VI.

Раскрытіе іезуитской организаціи въ Москвѣ.

Московская газета „Утро Россіи“ сообщаетъ слѣдующія весьма интересныя свѣдѣнія о дѣятельности іезуитовъ въ Москвѣ.

Намъ неоднократно приходилось уже говорить о существованіи въ Москвѣ вполнѣ опредѣленно сложившейся

іезуитской организаціи, во главѣ которой стоитъ вице-деканъ католическаго костела Ф. Верцинскій. Наши неоднократныя настойчивыя указанія на это обратили, наконецъ, вниманіе департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, которымъ и былъ недавно присланъ въ Москву для спеціальнаго разслѣдованія чиновникъ особыхъ порученій. Петербургскій ревизоръ, какъ мы свое-временно сообщали, обратилъ главное свое вниманіе на повѣрку слуховъ о католической пропагандѣ среди старообрядцевъ. И только слегка, поверхностнымъ и чисто формальнымъ образомъ коснулся онъ вопроса объ іезуитской дѣятельности.

Чиновникъ кое-кого разспросилъ о Верцинскомъ, съ которымъ имѣлъ также и личную бесѣду. Личность Верцинскаго произвела на петербургскаго чиновника даже благопріятное впечатлѣніе. И въ общемъ ревизоръ вывелъ заключеніе, что всѣ разговоры объ іезуитской пропагандѣ и о Верцинскомъ, какъ о спеціальному эmissарѣ іезуитскаго ордена въ Россіи, являются злонамѣренной выдумкой и интригой нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ. Выводы ревизіи петербургскаго чиновника были настолько оптимистичны, что его непосредственный начальникъ, директоръ департамента А. Н. Харузинъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ одной петербургской газеты категорически опровергъ всѣ слухи о Верцинскомъ, заявивъ, что имѣетъ о немъ „самыя лучшіе отзывы“.

Заинтересовалась дѣятельностью іезуитовъ высшая московская администрація, отнесшаяся къ данному вопросу болѣе серьезно и внимательно. Спеціальное разслѣдованіе по этому поводу было поручено чиновнику особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ, временно прикомандированному къ московскому градоначальнику—кн. В. К. Голицыну. Послѣдній энергично принялся за дѣло. Имъ было опрошено 100 человекъ свидѣтелей. По слухамъ, у Ф. Верцинскаго былъ произведенъ обыскъ, а также въ одной изъ типографій, гдѣ служить его другъ, у котораго хранились всѣ бумаги Верцинскаго. При обыскахъ было найдено много компрометирующихъ документовъ. Фактически установлено, что Верцинскій, принадлежа къ іезуитскому ордену и имѣя званіе епископа, выступалъ

въ Москвѣ въ скромной роли вице-декана, единственно съ цѣлью отвлечь своимъ скромнымъ на видъ положеніемъ вниманіе властей.

По найденнымъ бумагамъ обнаружилось, что на Верцинскаго возложена специальная миссія устроить тайный отдѣлъ іезуитскаго ордена въ Россіи. На одной изъ арестованныхъ при обыскѣ фотографій, Верцинскій снятъ въ одѣяніи іезуита въ кругу видныхъ представителей іезуитскаго ордена. Установлено, что Верцинскій устроилъ организацію, имѣвшую отдѣлы по всей Россіи. Во многихъ городахъ у него были эмиссары—преимущественно изъ католическаго духовенства. Верцинскій выдавалъ членамъ организаціи дипломы, удостовѣряющіе ихъ принадлежность къ іезуитскому ордену, крестилъ и совершалъ миропомазаніе безъ разрѣшенія гражданскихъ властей, велъ усиленную пропаганду среди старообрядцевъ, распространяя среди нихъ листки и брошюры, специально составленныя на русскомъ языкѣ. Въ этихъ листкахъ и брошюрахъ старообрядцы, хотя и не призывались открыто примкнуть къ іезуитамъ, но имъ рекомендовалась какая то особая форма единенія съ католичествомъ, специально придуманная организація, за которой не трудно было замѣтить слѣды тонко задуманнаго іезуитскаго плана.

Отъ могилевской католической епархіальной власти Верцинскій, по слухамъ, имѣлъ особыя полномочія, которыя не даются обыкновеннымъ священникамъ, какъ напримеръ, право исповѣдывать монахинь—принадлежащее только испытаннымъ монахамъ. Кромѣ мірянъ, Верцинскій дѣйствовалъ также и среди духовенства, которому выдавалъ особыя официальныя удостовѣренія за своей подписью, какъ делегатъ ордена. Нѣкоторые католическіе священники на допросѣ отмѣтили одно, съ виду незначительное, но крайне характерное, обстоятельство. Верцинскій носитъ бороду, которая является опредѣленнымъ признакомъ для нѣкоторыхъ категорій іезуитовъ. Кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя добыты официальнымъ слѣдствіемъ, мы, съ своей стороны, можемъ сообщить еще слѣдующее:

Въ связи съ установленнымъ теперь фактомъ, свидѣтельствующимъ, что Москва является центромъ вполне уже налаженной іезуитской организаціи, слѣдуетъ напом-

нить, что, по дѣйствующимъ русскимъ законамъ, въѣздъ въ Россію іезуитамъ воспрещенъ. Іезуиты неоднократно уже обращались съ настойчивыми ходатайствами къ русскому правительству объ отмѣнѣ существующихъ для нихъ ограниченій. Они дѣйствовали путемъ своихъ крупныхъ связей въ петербургскомъ свѣтѣ, черезъ Ватиканъ, но всѣ ихъ попытки оказались безуспѣшными. По поводу іезуитской дѣятельности въ Москвѣ „Новое Время“ добавляетъ еще слѣдующія подробности. Пропаганда католичества среди старообрядцевъ началась лѣтъ десять тому назадъ. Подъ видомъ купцовъ, ученыхъ и любителей старины іезуиты проникали въ старообрядческую среду и заводили знакомства. Отцы іезуиты обратили главное вниманіе на старообрядческую интеллигенцію и духовенство. Уніатскій митрополитъ Шептицкій завязалъ переписку съ А. И. Морозовымъ по вопросу объ уніи старообрядцевъ съ Римомъ. Среди старообрядцевъ распространяются изображенія папы Пія X и Святителя Николая, благословляющихъ двуперстно. Нѣкоторые изъ соvrращенныхъ молодыхъ старообрядцевъ отправлены въ Римъ для подготовки къ миссіонерской дѣятельности.

Въ связи съ раскрытіемъ іезуитской пропаганды начата ревизія канцеляріи московскаго католич. прихода. Обнаружена пропaja капиталовъ, пожертвованныхъ по завѣщаніямъ, 300-тысячный перерасходъ по постройкѣ костела и отсутствіе книгъ и документовъ.

Факты ясны сами по себѣ и всякіе комментаріи излишни.

При этомъ номерѣ прилагается „Холмскій Народный Листокъ“, № 7-й.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

I.—II. Радость Христова Воскресенія. III.—У гроба святителя. IV. — Изъ дневника паломника. V. — Отчетъ. VI.—Іезуиты въ Москвѣ. Въ отдѣл. прил.— Появл. и распротр. хр—тва въ Польшѣ.

Дозволено Цензурой.

За Редактора Свящ. П. Петровъ.

Холмъ, Тип. Вайнштейновъ.

государя ¹⁾). Неизвѣстно точно, въ чемъ состояла эта жалоба, но, судя по письму папы отъ 1075 г. къ Болеславу II му, можно думать, что она заключала въ себѣ именно недовольство полною самостоятельностью Болеслава въ церковныхъ дѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, первымъ пунктомъ папскаго письма ²⁾ было предоставленіе польскому королю дѣлать въ своей церкви то, что онъ сочтетъ нужнымъ и справедливымъ. Конечно, Болеславъ имѣлъ на это право, данное его предку нѣмецкимъ императоромъ, отъ времени гнѣзненскаго трактата и, какъ мы видѣли, пользовался имъ безъ разрѣшенія папы; но надо имѣть въ виду, что при Григоріи VII-мъ въ Римѣ состоялся соборъ, на которомъ были отвергнуты прерогативы нѣмецкаго императора ³⁾, и съ точки зрѣнія папы Григорія Болеславъ пользовался своими правами незаконно. Письмомъ отъ 1075 г. польскій король утверждался въ своихъ правахъ самимъ папою. Очевидно, что нуждавшійся въ союзникахъ для борьбы съ Генрихомъ IV-мъ папа не счелъ возможнымъ удовлетворить жалобу краковскаго епископа. Болеславъ, несомнѣнно знавшій о жалобѣ Станислава, оцѣнилъ папскій поступокъ по достоинству и дѣйствительно сталъ поддерживать Григорія VII-го въ борьбѣ его съ нѣмецкимъ императоромъ. Зато польская іерархія во главѣ съ Станиславомъ, епископомъ краковскимъ осталась недовольна этимъ актомъ папской политической мудрости, вызваннымъ, притомъ, необходимостью, и только ждала случая, чтобы открыто выразить это недовольство. Очевидно, польская іерархія прекрасно усвоила основной принципъ своего главы: „духовная власть выше свѣтской“ и не могла отказаться отъ этого принципа даже тамъ, гдѣ это было выгодно папѣ.

Случай скоро представился. Въ томъ же 1075 г. открылись военныя дѣйствія между Польшей и Чехіею ⁴⁾, и Станиславъ получилъ возможность начать противъ Болеслава враждебныя дѣйствія. Онъ самъ вошелъ въ сношенія (porozumienie przeciw Boleslawowi) ⁵⁾ съ чешскимъ королемъ Вратиславомъ и побуждалъ къ этому другихъ епископовъ. Длугошъ ⁶⁾ сохранилъ извѣстія о перепискѣ Станислава съ архіепископомъ гнѣзненскимъ и епископомъ вроцлавскимъ, въ которой онъ убѣждалъ ихъ открыто выступить противъ Болеслава. И надо полагать, что составленъ былъ цѣлый заговоръ, въ который вошли недовольные самодержцемъ Болеславомъ іерархи и шляхта и душою котораго былъ епископъ краковскій Станиславъ. Но Болеславъ, при помощи рус-

¹⁾ Островскій. (Dzieje y prawa, 232.

²⁾ Напечатано оно у Бѣловскаго—(М. Р. Н. I, 367—368.

³⁾ Островскій. Dzieje i prawa I, 124.

⁴⁾ Mon. Pol. Hist. I, 748.

⁵⁾ Ibidem, 366.

⁶⁾ у Бѣловскаго, ibidem, I, 366.

ских¹⁾), справился съ чехами и, вернувшись домой, сталъ, вѣроятно, справляться съ заговорщиками. Надо полагать, расправа эта началась съ ненавистной Болеславу шляхты, вызвала протесты Станислава и окончилась убіеніемъ послѣдняго. Такимъ образомъ епископъ Станиславъ претерпѣлъ вовсе не мученическую кончину, а былъ убитъ, какъ измѣнникъ, какъ глава преступнаго заговора противъ законнаго государя. Не даромъ же почти современнѣйшій хронистъ Галль называетъ Станислава измѣнникомъ (*traditorem*)²⁾, за что подвергается гоненіямъ со стороны позднѣйшаго польскаго духовенства, которое, уничтожая и интерполируя въ своихъ интересахъ всѣ старыя хроники, не пощадило и сужденія Галля о Станиславѣ³⁾. Извѣстно также, что и канонизація епископа Станислава по настоянію польскаго духовенства XIII-го вѣка прошла съ весьма большими трудностями⁴⁾. Оказывается, что въ тѣ времена даже римскій епископъ стѣснялся дѣлать святыхъ изъ политическихъ преступниковъ⁵⁾. Замѣчательно, что эта канонизація была произведена въ такое время, когда польское духовенство начало усиленно предъявлять свои притязанія на господственное и привилегированное въ исключительномъ смыслѣ значеніе въ государствѣ и успѣло въ этомъ⁶⁾. Очевидно, оно въ епископѣ краковскомъ Станиславѣ видѣло прототипъ позднѣйшихъ польскихъ іерарховъ—магнатовъ, которые очень искусно совмѣщали въ себѣ свойства рабовъ папы и достоинство примасовъ и первыхъ сенаторовъ польскаго государства, —и захотѣло окружить этотъ прототипъ⁷⁾ ореоломъ святости.

Убіеніе Станислава было совершено Болеславомъ въ 1079 г.⁸⁾ Польскіе епископы немедленно донесли объ этомъ папѣ Григорію VIII-му, который отлучилъ польскаго короля отъ церкви и наложилъ на всю Польшу интердиктъ⁹⁾. Польскій церковный историкъ Островскій замѣчаетъ¹⁰⁾, что этотъ интердиктъ былъ наложенъ папою не только за убійство Ста-

¹⁾ Ibidem, 748.

²⁾ М. Р. Н. I, 422.

³⁾ Wstęp krytycz., 125. 525.

⁴⁾ Булинскій I, 433.

⁵⁾ Считая Станислава политическимъ преступникомъ, мы не оправдываемъ, разумѣется, Болеслава, который въ порывѣ раздраженія совершилъ печальное дѣло. Но намъ невольно вспоминается Іоаннъ Грозный и св. митроп. Филиппъ. Послѣдній, какъ истинно-святая, укорялъ грознаго владыку, но и не подумалъ о закрытіи церквей, а польскій бискупъ, запретивъ богослуженіе, явился *возмутителемъ* народа противъ законнаго государя.

⁶⁾ Булинскій I, 141—143, 201 и др.

⁷⁾ Делевель (*Dzieje*, 46) тоже считаетъ Станислава такимъ: „Станиславъ, по его словамъ, хотѣлъ дѣйствовать *уже*—какъ настоящій *папскій* слуга, когда угрожалъ Болеславу Смѣлому“.

⁸⁾ Стрыйковскій, Хроника, 172; Булинскій I, 431.

⁹⁾ *Opera Omnia* X, 376; у Булинскаго, I, 95.

¹⁰⁾ *Dzieje u prawa kość. polsk.*, I, 254.

нислава, но и за отстраненіе отъ польскихъ епископскихъ кафедръ итальянцевъ. Очевидно, и властному Григорію VІІ-му не особенно нравился независимый Болеславъ, и онъ только ждалъ случая, чтобы сложить эту независимость. Правда, мы видѣли, что папа въ 1075 г. самъ позволилъ польскому королю самостоятельно распоряжаться польскою церковью, но нуждавшемуся въ помощи противъ Генриха папѣ больше ничего и не оставалось дѣлать съ Болеславомъ, который и до папскаго позволенія ставилъ епископовъ по собственному усмотрѣнію. Убийство еп. Станислава дало папѣ поводъ—проявить свою власть въ Польшѣ и надъ Болеславомъ. Однако, послѣдній, несмотря на папскій интердиктъ, еще цѣлыхъ два года управлялъ Польшею¹⁾. Нужно думать, что онъ опирался на тотъ же простой народъ, при помощи котораго онъ и утвердился на престолѣ и который оплакивалъ (*sic lugebat, sicut mater unici mortem filii*) даже его сына²⁾. И Островскій говоритъ³⁾, что латинское духовенство старалось вызвать омерзение къ королю именно въ простомъ народѣ. Очевидно, простой народъ и теперь составлялъ силу и опору престола. Думается, что и духовенство польское, вышедшее изъ народа и жившее между нимъ, не имѣло особенной охоты выполнять папское запрещеніе. Извѣстно, что папа Григорій VІІ-ой требовалъ отъ духовенства безбрачія. Этому особенно противилось польское духовенство, которое, какъ увидимъ нѣсколько ниже, даже въ XVI-мъ в. нарушало celibatъ, а въ XI-мъ вѣкѣ были женаты даже кафедральные польскіе каноники⁴⁾. Весьма естественна отсюда неприязнь польскаго духовенства къ Григорію VІІ-му и возможность неисполненія въ Польшѣ его приказаній. Кромѣ того, есть основаніе думать, что простой польскій народъ и его непосредственные руководители—сельскіе пастыри не чужды были еще кирилло-меоодіевскихъ преданій православія. У Кромера⁵⁾ приводится, какъ замѣчательный, впервые случившійся фактъ, что въ 1086 г. польскіе воины въ походѣ противъ поморянъ нарушили постъ. До этого времени, очевидно, польскій народъ по-православному былъ строгимъ исполнителемъ церковныхъ постановленій о постѣ. Замѣчательно также, что еще въ 1087 г. поставленный папою Урбаномъ II познанскій епископъ Діонисій, несмотря на свое итальянское происхожденіе, былъ знакомъ съ восточными обрядами⁶⁾. Нужно думать, что и самъ Болеславъ II благоволилъ къ восточнымъ обрядамъ, какъ обрядамъ любимаго имъ польскаго народа. Извѣстны его дружественныя отношенія къ венграмъ въ ту пору, когда

1) Strykowskiego, Kronika, 172.

2) Мартинъ Галль (Mon. Pol. Hist. II. 424).

3) Dzieje y prawa kość. polsk., I, 255.

4) Wstęp krytyczny, 27; прижѣчаніе.

5) Хроника, 87.

6) Opera Omnia, X, 394.

они просили у папы позволенія „ritu vetusto vivere“¹⁾, и особенно оживленныя связи съ русскими, князю которыхъ Изяславу Болеславъ дважды помогаль занять велико-княжескій престолъ²⁾. Морачевскій очень основательно догадывается³⁾, что даже на коронаціи Болеслава въ 1077 г. присутствовали русскіе епископы. Правда, въ польской латиноуніатской литературѣ⁴⁾ фактъ взаимоотношеній Руси и Польши при Изяславѣ и Болеславѣ истолковывается на религіозной почвѣ въ смыслѣ единенія двухъ родственныхъ народовъ подъ главенствомъ папы, но теперь, послѣ многочисленныхъ трудовъ по русской церковной исторіи и различныхъ обзоровъ русской полемической литературы противъ латинянъ, нѣтъ никакой нужды доказывать, что единенія въ этомъ смыслѣ не было. Такъ какъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы Болеславъ предпринималъ какіе-либо шаги для выполненія на Руси обязательствъ гѣвзенскаго трактата, то, думается, вѣрнѣе будетъ предположить, что Болеславу нравился строй русской церкви и что въ послѣдніе годы своего царствованія онъ могъ проявлять особую симпатію къ восточнымъ обрядамъ и въ своей странѣ. И это тѣмъ болѣе, что онъ былъ сыномъ дочери св. Владиміра—Маріи Доброгнѣвы, которая имѣла на него сильное вліяніе⁵⁾, и женой у него была русская княжна Вислава⁶⁾ съ 1067 г.⁷⁾ А на его монетахъ находятся византійскіе купола⁸⁾. Отсюда возможно присутствіе русскихъ епископовъ на коронаціи польскаго короля, какъ равно возможно и то, что по убіеніи еп. краковскаго Станислава Болеславъ II, проклятый высшею іерархіей и оставленный латинскимъ духовенствомъ, могъ находить духовное утѣшеніе и нравственную поддержку у духовныхъ лицъ восточнаго обряда. Къ этому же времени нужно отнести и рѣшительную поддержку у духовныхъ лицъ восточнаго обряда. Къ этому же времени нужно отнести и рѣшительную, хотя и глухую, борьбу въ Польшѣ латинства съ православіемъ. И кто знаетъ, во что обратилась бы и чѣмъ разрѣшилась бы эта борьба, еслибы Болеславъ устоялъ противъ соединенныхъ силъ латинскаго духовенства и шляхты. Но послѣднія взяли верхъ⁹⁾, Бо-

1) Ibidem, 331; сравн. Лелевеля, Dzieje, 68.

2) у Линниченко, 108—120; ср. Кенигсб. сп., 120, 124.

3) г. I, стр. 61—призываніе.

4) Въ сочиненіи Кулеша, Крезвы, Кульчинскаго, Вартошевича и друг.

5) Островскій. Dzieje u prawa I, 218.

6) Миклашевскій. Русь, 12.

7) Польскій лѣтописецъ, 15.

8) у Петрушевича, стр. 35.

9) Линниченко (стр. 108 и 130) тоже думаетъ, что Болеславъ въ союзѣ съ простымъ народомъ долженъ былъ уступить соединеннымъ силамъ шляхетства и латинскаго духовенства.

деславъ въ 1081 г. долженъ былъ навсегда покинуть Польшу ¹⁾, а православіе перестало здѣсь быть силой, съ которой бы нужно было считаться серьезно.

Папскій интердиктъ, наложенный на Польшу въ 1079 г. Григоріемъ VII-мъ, былъ, можно сказать, первымъ серьезнымъ вмѣшательствомъ папъ въ дѣла Польши. Съ этого времени польская церковь становится въ самыя непосредственныя подчиненныя отношенія къ римскому престолу, и римскій папа все чаще и чаще властно вмѣшивается въ ея жизнь. На мѣсто оставившаго Польшу Болеслава II-го епископы и бароны польскіе ²⁾ избрали королемъ его младшаго брата Владислава Германа. Этотъ слабый и миролюбивый ³⁾ государь былъ вѣрнымъ католикомъ ⁴⁾, и при немъ папское вліяніе почти не находило себѣ отпора. Чтобы обезпечить себѣ это вліяніе, папа прежде всего позаботился о своемъ участіи въ поставленіи польскихъ епископовъ. Такъ въ 1082 году папа Григорій VII-ой снялъ съ Польши, послѣ долгихъ и униженныхъ просьбъ пословъ Владислава Германа, наложенный на нее интердиктъ и *самолучно* поставилъ краковскимъ епископомъ Ламперта, извѣстнаго папѣ „a pluribus annis et in negotiis officiisque Curiae Romanae *sincere versatum*“ ⁵⁾. Мало того, чтобы имѣть вполне преданныхъ слугъ на высшихъ іерархическихъ должностяхъ въ Польшѣ, папы при Владиславѣ Германѣ дѣлали неоднократныя попытки къ возстановленію утраченныхъ при Болеславѣ II-мъ правъ чужеземцевъ на епископскія каѳедры въ Польшѣ. Эти попытки въ большинствѣ случаевъ увѣнчивались успѣхомъ, такъ какъ Владиславъ Германъ „позволилъ чужеземцамъ занимать епископскія и опатскія мѣста“ ⁶⁾. Такъ, освободившіяся вскорѣ познанская и крушевицкая (или кувявская) каѳедры были замѣщены итальянцами ⁷⁾. А когда въ 1087 г. на плоцкую каѳедру былъ избранъ капитулой, „italicis neglectis“, полякъ Стефанъ, то папа Урбанъ II-ой, желая провести на каѳедру итальянца, уже не хотѣлъ утверждать избраннаго поляка и только „crebris litteris“ удалось польскому королю настоять на утвержденіи ⁸⁾.

Неудивительно послѣ этого, что уже въ началѣ XII в. папы получили возможность управлять польскою церковью черезъ своихъ легатовъ. Въ 1105 г. въ Польшу прибылъ папскій легатъ еп. Гвальдонъ,

¹⁾ Opera Omnia, X, 379. Нѣтъ возможности даже съ приблизительной вѣрностью опредѣлить, гдѣ и когда онъ скончался.

²⁾ O roznait. następst. na tron, 10.

³⁾ у Линниченко, 130.

⁴⁾ Хроника Кадлубка, 46.

⁵⁾ Длугошь. Opera Omnia X, 384.

⁶⁾ Лелевель. Dzieje, 70.

⁷⁾ Opera Omnia X, 382, 394.

⁸⁾ Ibidem, 394.

который осматривалъ польскіе костелы, требовалъ единства въ обрядахъ польской церкви съ обрядностью римской и устранилъ двухъ не получившихъ папскаго утвержденія польскихъ епископовъ отъ занимаемыхъ ими кафедръ ¹⁾. А въ 1122—3 г. г. въ Польшѣ появляется, въ качествѣ папскаго легата, извѣстный намъ уже кардиналъ Эгидій ²⁾, который окончательно, такъ сказать, закрѣпилъ польскую церковь за папой. Съ этого времени польская іерархія получила самостоятельную власть внѣ польскаго государства и стала какимъ-то недостижимымъ учрежденіемъ, которому какъ бы не было нужды особенно считаться даже съ польскими государями. До чего доходила безцеремонная гордость польскаго духовенства въ обращеніи со своими государями, можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что даже такой могущественный король, какъ Болеславъ III-ій Кривоустый, былъ подвергнутъ публичному покаянiю за вынужденную, послѣ многихъ актовъ снисхожденія, казнь побочнаго брата ³⁾—извѣстнаго въ исторіи Польши государственнаго бунтовщика Збигнева. А со смертiю Болеслава III-го (въ 1139 г.), когда Польша раздѣлилась на удѣлы, польское духовенство захватило въ свои руки и гражданское управленіе государствомъ ⁴⁾, вся Польша съ тѣхъ поръ (а не только польская церковь) становилась удѣломъ папы.

Послѣ этого, казалось бы, не можетъ быть и рѣчи о православіи въ Польшѣ. Однако, оно было такъ сродно полякамъ, что продержалось въ предѣлахъ Польши до XIV в. и далѣе. Слѣды его находимъ рѣшительно во всемъ: въ таинствахъ, въ обрядности, богослужебномъ языкѣ, положеніи духовенства, памятникахъ церковнаго зодчества и живописи и въ различныхъ предметахъ церковно-богослужебнаго употребленія. Такъ, причащеніе подъ двумя видами хранилось въ Польшѣ до XVI в. Трудно точно установить время, когда поляки должны были принять практику римской церкви относительно причащенія, но думается, что отъ Тридентскаго собора. На это указываетъ письмо польскаго короля Сигизмунда къ папѣ Павлу IV-му, въ которомъ Сигизмундъ просить папу—не запрещать польскому народу таинство причащенія подъ двумя видами ⁵⁾. Сигизмунду отвѣчалъ въ 1552 г. папа Юлій III-ій, прося, чтобы разсмотрѣніе этого вопроса было отложено до Тридентскаго собора ⁶⁾. Какъ сильна была привязанность поляковъ къ православному обычаю причащенія, лучше всего объ этомъ свидѣтельствуютъ польскіе историки—Мацевевскій и Морачевскій ⁷⁾, которые самый

¹⁾ Opera Omnia X, 450; ср. Островскаго, Dzieje, 291.

²⁾ Фризе, въ разн. мѣст. I-го т.

³⁾ Островскій Dzieje u prawa kośc. pols I, 318.

⁴⁾ Ibidem, 323.

⁵⁾ Холм. мѣсяцесл. на 1866 г., 127.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ у Преосв. Иннокентія, о началѣ христіанства въ Польшѣ, 39, (примѣчаніе).

успѣхъ протестантства въ Польшѣ XVI вѣка объясняютъ тѣмъ, что поляки увидѣли въ немъ возстановленіе причащенія подь двумя видами, котораго они лишились по распоряженію папы.

О совершеніи другихъ таинствъ въ Польшѣ по православному обряду извѣстно, что крещеніе, по свидѣтельству даже официальнаго польскаго историка ¹⁾, еще въ XIII-мъ вѣкѣ было погружательнымъ, а таинство брака совершалось безпрепятственно между православными и католиками тоже до XIII-го вѣка и запрещено папою Григоріемъ IX-мъ, видѣвшимъ въ смѣшанныхъ бракахъ угрозу для римскаго крестла ²⁾.

Посты соблюдались въ Польшѣ по—православному до XIII-го вѣка, когда папа черезъ нунція Іакова около 1248 г. за полученныя деньги счелъ нужнымъ прислать въ Польшу разрѣшеніе—соблюдать болѣе легкіе посты, по правиламъ римской церкви, вмѣсто прежнихъ восточныхъ ³⁾.

Богослуженіе на народномъ славянскомъ языкѣ также долго совершалось въ Польшѣ. Такъ, въ Краковѣ, въ церкви св. Креста Божественная служба совершалась на славянскомъ языкѣ по греческимъ обрядамъ даже до XVI в. „*parum ante patrum nostrum metropoliam*“, какъ говоритъ Сарницкій ⁴⁾. До половины XIII-го в. совершалось даже богоявленское водосвятіе въ Польшѣ ⁵⁾. Еще въ XV вѣкѣ польскій языкъ былъ гораздо ближе къ славянскому, нежели къ нынѣшнему польскому ⁶⁾. Потому-то новый завѣтъ, писанія свв. отцовъ, псалтирь и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ были тогда употребляемы въ Польшѣ ⁷⁾, и ими пользовалась супруга Ягеллы Ядвига ⁸⁾. Потому-то отправленія богослуженія на славянскомъ языкѣ поляки домогались даже на Петроковскомъ сеймѣ 1556 года ⁹⁾, а король Сигизмундъ Августъ въ письмѣ къ папѣ Павлу IV-му также сильно настаивалъ на томъ, чтобы совершеніе Богослуженія для польскаго народа было попрежнему на народномъ языкѣ ¹⁰⁾. Древнѣйшія богослужебныя книги также печатались по-славянски еще въ концѣ XV в.

¹⁾ Вудинскаго, т. I, 470; сравн. Мацевскаго, исторія первоб. христ. церк. у славянъ, 128.

²⁾ Вудинскій I, 473.

³⁾ Петрушевичъ,—о христ. въ предкарп. стран., 35—36; сравн. о началѣ христ. въ Польшѣ, 38.

⁴⁾ Нарушевичъ II, 71 и 287; Петрушевичъ, 13; 40, 41; Чистовичъ. Очеркъ, 29.

⁵⁾ Петрушевичъ, 35.

⁶⁾ Зубрицкій, 30.

⁷⁾ Холм. мѣсяцесл. на 1866 г., 126.

⁸⁾ Бандке I, 158.

⁹⁾ Ibidem, 154.

¹⁰⁾ О началѣ христ. въ Польшѣ, 37.

въ Краковѣ, напимѣрь, октоихъ, часословець, слѣдованная псалтирь, постная и цвѣтная тріодь 1491 г. и друг. ¹⁾ Бѣловскій ²⁾, въ свою очередь, утверждаетъ, что еще около половины XVII-го вѣка въ латинскихъ костелахъ Кракова и Львова было множество славянскихъ книгъ. Поэтому даже Сарницкій, каноникъ XIX-го вѣка, злѣйшій врагъ православія, признаетъ, что Св. Писаніе первоначально читалось народу въ Польшѣ на славянскомъ языкѣ, что оно переведено на польскій языкъ тогда уже, когда народъ пересталъ понимать славянскій языкъ, и что греко-славянскій обрядъ пришелъ въ Польшѣ въ упадокъ только въ XIV-мъ вѣкѣ ³⁾. Очевидно, до того же времени сильно было въ Польшѣ и православіе.

Безженство священниковъ существовало уже, какъ законное постановленіе папы Григорія VІІ-го, въ латинской церкви съ XI-го вѣка. Но въ Польшѣ оно не могло быть введено вполнѣ даже въ XV-мъ вѣкѣ. И хотя въ 1197 г. кардиналъ Кауанъ, легатъ папы Целестина, запрещалъ отъ лица папы бѣлому духовенству вступать въ супружество ⁴⁾, хотя въ 1215 г. на провинціальному соборѣ польскаго духовенства это запрещеніе было строго повторено ⁵⁾, но при всемъ томъ на петроковскомъ сеймѣ 1556 г. еще былъ объ этомъ споръ ⁶⁾, а король Сигизмундъ Августъ отъ себя и всего королевства просилъ папу, чтобы онъ не запрещалъ для польскихъ священниковъ супружества ⁷⁾. Даже послѣ Тридентскаго собора каноникъ польскій Станиславъ Оржеховскій вступилъ въ бракъ и, протестуя противъ осужденія мѣстныхъ епископовъ, получилъ дозволеніе оставаться въ супружествѣ, не въ примѣрь, конечно, другимъ. „Tibi Soli“, сказано въ резолюціи папы на его протестъ ⁸⁾.

Наконецъ, самыя стѣны первобытныхъ храмовъ Польши, будучи воздвигнуты въ византійскомъ стилѣ и расположены по образцу православныхъ храмовъ, оставались на цѣлыя вѣка свидѣтелями древняго православія Польши. Такова церковь св. Креста въ Краковѣ, кафедральная и коллегіальная церкви въ Гнізні, таковы Люблинскій костелъ св. Николая на предмѣстьи „Чвартекъ“, церковь св. Варвары въ Ченстоховѣ, нѣсколько Варшавскихъ церквей и много храмовъ въ нынѣшней Радомской губерніи ⁹⁾. Еще въ началѣ

¹⁾ Ibidem; срав. Чистовича, очеркъ, 29.

²⁾ Mon. Pol. Hist. т. I, 92.

³⁾ у преосв. Иннокентія — о началѣ христ. въ Польшѣ, 42—примѣч.

⁴⁾ Фризе I, 307; срав. Польск. дѣтоп., 28.

⁵⁾ Холмск. мѣсяцесл. на 1866 г., стр. 125.

⁶⁾ Вандке II, 154.

⁷⁾ Холмск. мѣсяцесл. на 1866 г., 125—26.

⁸⁾ Вандке II, 154.

⁹⁾ Холмск. мѣсяцесл. на 1866 г., 120—123.

XVII-го в. ученый Захарія Копыстенскій ¹⁾ писалъ: „въ діоцезіи епископства краковскаго по нѣкоторымъ костеламъ найдутся малеванья греческимъ обычаемъ и кштальтомъ съ надписями славянскимъ языкомъ надъ каждымъ образомъ“. Замѣчательно, что польскіе костелы, отличающіеся по архитектурѣ отъ православныхъ храмовъ, строены уже въ XVII столѣтіи, послѣ Тридентскаго собора, а византійская школа церковной живописи господствовала въ Краковѣ до времени королевы Боны, когда итальянскій стиль получилъ преобладающее значеніе ²⁾.

Есть и другіе предметы, которые говорятъ о существовавшемъ въ Польшѣ православіи. Такъ, въ 1877 г., при раскапываніи могилы въ Силезіи, найденъ образъ Божіей Матери, написанный по принятому въ восточной церкви начертанію, съ буквами кирилловской азбуки; въ окрестностяхъ г. Пулавы найдено въ землѣ мѣдное блюдо въ родѣ лохани, употребляемой при архіерейскомъ служеніи православныхъ епископовъ, и мног. друг. ³⁾.

Значить, и по утвержденіи въ Польшѣ папизма, онъ долго не былъ исключительнымъ вѣроисповѣданіемъ польскаго народа, не былъ даже чистымъ папизмомъ, ибо во многомъ, какъ мы только что видѣли, сохранилъ характеръ восточной-кирилло-меоодіевской обрядности и долго не принималъ главнѣйшихъ римскихъ нововведеній. Изъ письма короля польскаго Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII-му ⁴⁾ видно, что даже въ его время поляки платили папѣ дань Петрову и вмѣстѣ съ тѣмъ держались славянскаго обряда. Но всего замѣчательнѣе, что еще въ 1520 г. даже архіепископъ гнѣзненскій Іоаннъ Ласскій отдавалъ православію предпочтеніе предъ латинствомъ ⁵⁾.

Неудивительно, поэтому, что Польша отличалась до XIV-го вѣка, по свидѣтельству Бандке ⁶⁾, полною вѣротерпимостью: „она на лонѣ своемъ хранила разновѣрныхъ, и исповѣдывавшіе русскій или греческій обрядъ не терпѣли никакихъ гоненій“. Даже въ XV-мъ вѣкѣ король Сигизмундъ I, по словамъ Длугоша ⁷⁾, говорилъ: „намъ не должно пренебрегать соединеніемъ съ греками, какъ исповѣдующими одну и ту же съ нами вѣру и отличающимися отъ насъ только однѣми бородами и женами священниковъ. Это нельзя ставить имъ въ порокъ, ибо греческіе священники довольствуются одной женой, а латинскіе имѣютъ ихъ по десяти и болѣе“. Эту вѣротерпимость нужно, впрочемъ, понимать относительно: до XIV в. было вѣротерпимо только правительствомъ

1) у Чистовича, 29.

2) у Чистовича. Очеркъ, 29.

3) Холмск. мѣсяцесл. на 1866 г., 124.

4) Помѣщен у Петрушевича, 64—65.

5) Синайскаго, стр. 31 цит. соч.

6) т. II, 37.

7) у Зубрицкаго, стр. 264.

in согре, которое не гнало другихъ исповѣданій. Но нельзя сказать того же о польско-латинскомъ духовенствѣ, которое всегда фанатически относилось къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, не дѣлало никакихъ уступокъ и не обнаруживало никакой терпимости въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ. Папа и его духовенство никогда не знали другихъ цѣлей, кромѣ подавленія всѣхъ исповѣданій, исключая латинскаго, и распространенія повсюду своего господства. Уже въ XII-мъ вѣкѣ (около 1140 г.) епископъ краковскій Матвѣй вызывалъ къ себѣ извѣстнаго аббата клервоскаго Бернарда, прося его отправиться къ берегамъ Вислы для *искорененія безбожнаго русскаго обряда* и обращенія русскихъ надвислянскихъ странъ къ латинской церкви. „Это русское племя, писалъ онъ, безчисленное, какъ свѣтила небесныя, по имени только исповѣдуетъ Христа, дѣлами же и жизнью совершенно Его отрицаетъ ¹⁾. Поэтому правъ Пясецкій, когда говоритъ, что исповѣдники православія въ Польшѣ „держались своей вѣры, издавна тѣснимые и преслѣдуемые“ ²⁾. Но важно и то, что до XIV-го вѣка не вмѣшивалось въ религиозную борьбу между православными и католиками польское правительство, которое съ XIV вѣка идетъ уже рука объ руку съ фанатичнымъ духовенствомъ въ преслѣдованіи православія.

¹⁾ Wstęp krytyczny, 94—96.

²⁾ У преосвящ. Иннокентія—О началѣ христ. въ Польшѣ, стр. 31 (примѣчаніе); срав. у Еп. Модеста, Холмск. епарх., стр. 112.

Пол
съ о
му
дані
іяхъ
и де
дру
мыхъ
что
пол

отор
реса
шл
кото
рел

Пол
собо
дав
сам
тѣмъ
рѣч
и л
бен
сла
был
ско
пол
да
мір
ще
объ
ко
ещ

Въ такомъ видѣ представляется намъ появленіе христіанства въ Польшѣ и первоначальная исторія его здѣсь. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, изначальную ненависть поляковъ ко всему нѣмецкому и принесенному нѣмцами въ Польшу римско-католическому исповѣданію,—ненависть, выразившуюся во многихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ латинскому духовенству и холодности къ принятію латинства и достигшую во время безкоролья крайнихъ предѣловъ; имѣя, съ другой стороны, въ виду крѣпкую устойчивость въ Польшѣ, при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, православія,—нужно сказать, что православіе было первоначальной въ Польшѣ и наиболее сродной польскому народу формой исповѣданія христіанства.

Къ сожалѣнію, польскій народъ слишкомъ рано былъ насильно оторванъ отъ родной ему православной вѣры и славянской стихіи и пересаженъ на другую, несродную ему латинскую почву. Отсюда произошли всѣ несчастія польской націи, самостоятельная историческая жизнь которой имѣла печальный конецъ, а настоящее ея существованіе полно религіознаго и политическаго мрака, хотя и не безпросвѣтнаго.

Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ Болеслава II-го надъ всѣмъ въ Польшѣ возвысился авторитетъ римскаго папы, который подавлялъ собою всякую самостоятельность польскаго народа. Орудіемъ этого подавляющаго авторитета была польская іерархія, которая, имѣя въ папѣ самостоятельную власть внѣ польскаго государства и стоя вмѣстѣ съ тѣмъ во главѣ польскаго народа, явилось скоро учрежденіемъ, противорѣчащимъ мѣстнымъ національнымъ условіямъ и интересамъ. Папизмъ и латинство вѣками старались искоренить въ польскомъ народѣ, особенно въ высшемъ классѣ, все то, что было въ немъ національнаго и славянскаго. Въ церковной жизни полякамъ пришлось повторять то, что было выработано римскою церковною общиною и составляло строй римской церковной жизни, а въ жизни государственной и общественной поляки должны были считаться съ западною цивилизаціей, которая имѣла своимъ источникомъ опять—таки латинство и папизмъ. Западный міръ ставился передъ поляками, какъ высшій идеалъ человѣческаго общества, слиться съ которымъ было для нихъ дѣломъ органической необходимости. Но такъ какъ въ полякахъ первыхъ вѣковъ исторической жизни Польши жива была потребность самобытности и не угасъ еще инстинктъ самостоятельнаго историческаго призванія, то сліяніе

Польши съ Западомъ не могло быть достигнуто механически, приспособленное къ известному моменту, а обратилось въ постоянный процессъ. Процессъ этотъ тянулся до XIV-го вѣка, пока польскій народъ не вошелъ всею своимъ организмомъ въ составъ западно-европейскаго міра. Религіозныя начала католицизма, общественныя начала рыцарства, городская жизнь, цѣликомъ перенесенная изъ Германіи, просвѣщеніе, основанное на преданіяхъ римскаго классицизма, — словомъ, все было принято и органически усвоено Польшею съ Запада. Въ XIV-мъ вѣкѣ Польша всеми стихіями своими принадлежала уже къ семьѣ западно-европейскихъ народовъ. Польскій народъ уже всецѣло отдался западно-европейской жизни, и идеи католицизма рыцарства и латинской образованности вошли въ плоть и кровь поляковъ и сдѣлались для нихъ высшимъ идеаломъ челоѣчества. А отсюда уже полякамъ весьма естественно было вообразить, что ихъ священная миссія — нести этотъ идеаль, нести католицизмъ, духъ „панства“ и латинскую образованность тѣмъ, для кого чужды были еще начала западно-европейской жизни. Взоры ихъ естественно-обращались на русскій востокъ, гдѣ, по мнѣнію поляковъ, мужицкое варварство и схизма налагали на нихъ священную обязанность распространять западную цивилизацію и господство единоспасающей римской церкви. Отсюда беретъ свое начало пропаганда въ русскихъ земляхъ воспринятыхъ Польшею западныхъ идей, которая оказалась въ духѣ нетерпимости и фанатичныхъ проявленіяхъ. Особенно памятнымъ образомъ сказала въ этомъ отношеніи религіозная пропаганда, которая и началась далеко ранѣе XIV-го вѣка. Мы видѣли ее еще во время Болеслава I-го. Правда, она тогда не имѣла успѣха, но все же она никогда съ тѣхъ поръ не прекращалась и все болѣе давала себя чувствовать. Недаромъ же въ сознаніи православнаго уже въ XI-мъ в. былъ взглядъ, что латиняне „всехъ языкъ поганѣйши и злѣйши суть..., что егоже ни жидове творять, то они творять..., что нѣсть жизни вѣчныя живущимъ въ вѣрѣ латинской..., что это татіе и разбойницы евангельской притчи“, и что, поэтому, не слѣдуетъ „вѣрѣ латинской ни прилучатися, ни обычая ихъ держати и всякаго ученія ихъ не слушати и всего ихъ обычая и нарова гнушатися и блюстися..., своихъ дочерей не давати за ня, не поимати за себя у нихъ, ни братися съ ними, ни куматися, ни ясти съ ними, ни пити изъ единого сосуда“ и друг. мног. ¹⁾ Чѣмъ дальше, тѣмъ, разумѣется, отношенія между православными и латинами становились хуже. Недружелюбное отношеніе къ латинству поддерживалось впоследствии въ русскомъ народѣ многими историческими обстоятельствами. И прежде всего его

¹⁾ Преподоб. Феодосій печерскій въ посланіи о вѣрѣ варяжской къ вел. кн. Изяславу—у проф. В. З. Завитневича въ его „Палинодіи Захарія Копыстенскаго“, стр. 10.

поддер
своей
начало
вились
славны
зрѣнія
католи
нятію
короле
ра IV
правос
поряж
весь р
русско
сознат
хіямъ
стала
лись
XV-г
менна
навид
имъ,
непро
Поль
границ
польс
слѣдс
зумь
Рима
силн
миров
году
ковал
на П
крац

стр. I

хар. I

поддерживали сами западные миссионеры возмутительнымъ характеромъ своей дѣятельности ¹⁾). Затѣмъ, когда въ XIV-мъ в. положено было начало присоединенію къ Польшѣ западно-русскихъ областей, то появились новыя условія, которыя только усилили нерасположеніе православныхъ къ латинству. Тутъ уже польскіе государи усвоили точку зрѣнія папы и латинскаго духовенства на обращеніе православныхъ въ католицизмъ и начали систематически побуждать православныхъ къ принятію латинства. Послѣдовалъ цѣлый рядъ ²⁾ распоряженій польскихъ королей—Казимира Великаго, Людовика венгерскаго, Ягайлы, Казимира IV-го, Александра и друг. относительно насильственнаго обращенія православныхъ жителей польскаго государства въ латинство. Эти распоряженія имѣли обратное значеніе, такъ какъ къ концу XV-го в. весь русскій народъ былъ охваченъ уже ненавистью къ Польшѣ. Въ русскомъ народѣ заговорили внутреннія живыя, хотя и недостаточно сознательныя, славянскія начала, и онъ рѣшилъ не поддаваться стихіямъ польской жизни. Русская народность, особенно въ дѣлахъ вѣры, стала поднимать голову противъ польскихъ началъ. Каковыя установились отношенія православныхъ западно-руссовъ къ латинству въ концѣ XV-го в., объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія слова одного современнаго писателя, краковскаго каноника Сакрана: „русскіе до того ненавидятъ вѣру латинянь, что желали бы не только всячески вредить имъ, но даже искоренить ее во всемъ мірѣ“ ³⁾). Католицизмъ положилъ непроходимую грань между русскою и польскою народностями, такъ что Польша являлась для русскихъ чужеземною страной, а полякъ — заграничнымъ человѣкомъ ⁴⁾). Такъ какъ это обстоятельство могло вести польскій государственный корабль только къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, то въ Польшѣ этого времени появилось много благоразумныхъ людей, которые убѣдились во вредѣ власти надъ Польшею Рима и требовали церковной реформы въ своемъ отечествѣ ⁵⁾). До чего сильно было въ это время общее убѣжденіе въ необходимости реформировать польскую церковь, можетъ свидѣлствовать то, что въ 1520 году даже гнѣзненскій архіепископъ Іоаннъ Ласскій публично критиковалъ латинство, отдавая предпочтеніе православію ⁶⁾). А въ 1556 г. на Петроковскомъ сеймѣ польскіе земскіе послы явно требовали прекращенія всякихъ сношеній съ Римомъ и учрежденія народной церкви

¹⁾ Факты у проф. Завитневича въ его только что указанномъ сочиненіи, стр. 11.

²⁾ Объ этомъ подробно см. проф. В. З. Завитневича въ его „Палинод. Захар. Копыст.“, стр. 12—15.

³⁾ У В. З. Завитневича, въ его „Палинодіи Захар. Копыстенскаго, стр. 15.

⁴⁾ Ibidem, 15.

⁵⁾ У Чистовича. Очеркъ, 89.

⁶⁾ Въ цит. соч. Синайскаго, 31.

и мѣстной самостоятельной духовной власти¹⁾. Но не даромъ прожила Польша уже нѣсколько вѣковъ въ сферѣ западнаго вліянія. Духовная сила Запада, втянувшая польскій народъ въ свой кругъ была слишкомъ велика, чтобы можно было легко оторваться отъ нея. И для поляковъ XVI-го вѣка реформировать хотя бы одну религіозную сторону своей жизни было уже дѣломъ несбыточнымъ. Правда, король Сигизмундъ Августъ поручилъ посламъ, отправлявшимся на Триидентскій соборъ, требовать отъ имени его и польскаго народа отмѣны безженства священниковъ и возстановленія богослуженія на родномъ языкѣ, съ причащеніемъ подъ двумя видами. Но соборъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ Лойнеза и Сальмерона, весьма худо принялъ это требованіе и отвѣтилъ на него рѣшительнымъ отказомъ. Онъ строго подтвердилъ и для поляковъ безженство во всѣхъ степеняхъ священства, а относительно вопроса о богослуженіи на народныхъ нарѣчіяхъ сдѣлалъ такое постановленіе: „отцамъ собора неугодно было, чтобы литургія отправлялась на народномъ языкѣ; если бы кто утверждалъ противное, тотъ да будетъ проклятъ“²⁾. Въ Польшу было послано нѣсколько іезуитовъ, которые достигли того, что правила Триидентскаго собора здѣсь были приняты, хотя на польскихъ сеймахъ и слышалось много рѣзкихъ заявленій относительно папства и его требованій³⁾. Въ 1566 г. епископъ Вармійскій. Гозій призвалъ въ Польшу іезуитовъ, благодаря дѣятельности которыхъ эта страна быстро пошла по пути къ гибели. Овладевъ воспитаніемъ польскаго юношества изъ высшаго круга, іезуиты очень скоро достигли блестящихъ результатовъ въ двухъ отношеніяхъ — религіозномъ и общественно-государственномъ. Въ религіозномъ отношеніи поляки сдѣлались крайними фанатиками латинства, которые не стали терпѣть иновѣрія въ своемъ государствѣ. Отсюда — унія и тѣ ужасы, которыми сопровождалось ея введеніе въ русскихъ православныхъ областяхъ Польши. А общество польскаго государства іезуиты раздѣлили на два прямо-противоположныхъ лагеря: господствующихъ „пановъ“ и рабовъ „хлоповъ“. Потворствуя страстямъ своихъ „вельможныхъ“ учениковъ, іезуиты до того извратили здравый смыслъ польскаго юношества изъ высшаго и шляхетскаго круга, что оно вообразило только себя полными гражданами польскаго государства, которымъ принадлежали всѣ права и привилегіи, а низшіе слои польскаго народа, по его воззрѣніямъ, — рабы, которые обязаны безпрекословно подчиняться своимъ господамъ. Послѣдовалъ рядъ правительственныхъ мѣръ, ограничивающихъ до „*non plus ultra*“ право участія низшихъ слоевъ польскаго народа въ жизни и судьбахъ польскаго государства, и вскорѣ вся власть очу-

1) У Чистовича, 87.

2) У преосв. Модеста. Вып. I, стр. 110.

3) Ibidem.

тила
окол
рес
дѣйс
стве
шлях
дарс

щест
вотъ
кото
Разд
посл
рели
ружк
мают
ческі
поль
като.
учен
нено
влял
родо
язык
ся,
наук
скор
гіозн
ками
прим
римс
пере
Мы
совѣ
и не
кото
въ I

дзов
ные-

тилась въ рукахъ безшабашной шляхты. Последняя сгруппировалась около богатыхъ магнатовъ¹⁾, которые подѣлили Польшу на множество республикъ и управляли ими совершенно самостоятельно, какъ бы внѣ дѣйствія государственныхъ законовъ и учреждений. На общегосударственныхъ сеймахъ съ ихъ безмысленнымъ „veto“ магнаты со своей шляхтой рѣдко сходились между собой, и съ каждымъ годомъ государственное управленіе Польши все болѣе разстраивалось.

Такимъ образомъ, крайняя религіозная нетерпимость польскаго общества и польскій внутренній безпорядокъ въ польскомъ государствѣ, — вотъ два плода іезуитской дѣятельности въ Польшѣ, при наличности которыхъ утрата государственной независимости ея была неминуемой. Раздѣлы Польши въ концѣ XVIII-го вѣка были только естественными послѣдствіями внутренняго состоянія страны, обусловленнаго утратой религіозной, общественной и бытовой самостоятельности, которую обнаруживалъ польскій народъ въ своихъ полномочныхъ членахъ. Такъ думаютъ даже сами поляки, конечно, благоразумные, которые всѣ историческія несчастья польскаго народа выводятъ изъ того, что народность польская, во время еще перемѣны православія въ Польшѣ на римское католичество, была отдана въ жертву папизму. „Если бы, рассуждаетъ ученый полякъ Болеславъ Трентовскій²⁾, православіе не было вытѣснено изъ Польши римскимъ исповѣданіемъ, то исторія Польши представлялась бы въ иномъ видѣ: поляки не перестали бы быть великимъ народомъ; книги Священнаго Писанія были бы переведены на польскій языкъ, который при церковномъ богослуженіи могъ бы усовершенствоваться, и тогда наше народное просвѣщеніе могло бы широко развиваться; науки и искусства, послѣ паденія греческой имперіи, переселились бы скорѣе въ Краковъ къ единовѣрцамъ, чѣмъ далеко на западъ. Религіозный фанатизмъ, политика папъ и дѣйствія іезуитовъ водили поляками до тѣхъ поръ, пока они не потеряли отечества. Архіепископъ, примасъ польскаго государства, былъ представителемъ папы, орудіемъ римскаго нунція и іезуитовъ. Монастырями и монахами разнаго рода переполнена была Польша, дышавшая фанатизмомъ среднихъ вѣковъ. Мы до сихъ поръ, какъ доказываетъ вся наша исторія, жертвовали совѣстью націи для совѣсти папъ. Это насъ погубило въ здѣшнемъ быту и не обезпечило намъ спасенія въ будущемъ“. Вотъ послѣдствія, къ которымъ, по сознанію самихъ поляковъ, привела перемѣна православія въ Польшѣ на римское католичество.

Къ сожалѣнію, и паденіе Польши не образумило польскихъ ксендзовъ, магнатовъ и шляхту. Въ глазахъ польскаго ксендза православные — и нынѣ все еще подлые схизматики, а польскій магнатъ и шля-

¹⁾ Таковъ былъ, напримѣръ, въ Литвѣ князь Радзивилль (въ XVII вѣкѣ).

²⁾ У преосв. Модеста. Вып. I, стр. 113—114.

хтичь попрежнему презирають „хлопа“. Современное положеніе дѣль въ вѣроисповѣдномъ и соціально-экономическомъ отношеніяхъ на западныхъ окраинахъ Россіи служить къ этому наглядною иллюстраціей. А насилія надъ православными послѣ 17-го апрѣля 1905 года ясно показываютъ, что польскій ксендзь и шляхтичь и доселѣ еще не потеряли надеждъ — вызвать къ жизни архаическія начала польской республики. Неприятнымъ, поэтому, диссонансомъ въ гармоніи этихъ, почти всеобщихъ въ высшемъ современномъ польскомъ обществѣ „панскихъ“ и „ксендзовскихъ“ надеждъ и мечтаній прозвучало маріавитское движеніе, которое показываетъ, что лучшіе изъ поляковъ и преимущественно простой польскій людъ, чуждый выработанныхъ католицизмомъ и шляхетствомъ преданій и понятій, — начинаютъ сознавать свое славянское происхожденіе и не хотятъ больше слѣдовать за измѣнившими своей народности вождями. Правда, это движеніе ограничивается религіозной сферой, но, вѣдь, и измѣна славянскимъ началамъ произошла въ Польшѣ прежде всего на почвѣ религіозной.

15

Вых
въ
пла
лені
Нар
Цѣн
вію
5 р
иера
пер

№

Его
при
ни

помь
дѣ
Божі
ценн